

МАЗО ДЕ ЛЯ РОШ

ШТОРМОВЫЕ

ВРЕМЕНА

КНИГА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ СЕМЬИ
ДЛИНОЙ В СТО ЛЕТ

Хроника семьи Уайток

Мазо де ля Рош

Штормовые времена

«ЭКСМО»

1944

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

де ля Рош М.

Штормовые времена / М. де ля Рош — «Эксмо»,
1944 — (Хроника семьи Уайток)

ISBN 978-5-04-161050-0

Перед вами первая часть цикла, который принес канадской писательнице Мазо де ля Рош всемирную известность и признание. История семьи Уайток начинается в 1854 году и заканчивается в конце XX века. В мире Уайтоков, как и в реальной жизни, люди живут и умирают, добиваются успехов и терпят поражения. Но есть то, что остается неизменным, – фамильный особняк. Его стены хранят память поколений, их мечты и надежды, любовные переживания и горькие разочарования. Это сага о быстротечности жизни и о вещах, которые мы называем вечными.

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-161050-0

© де ля Рош М., 1944

© Эксмо, 1944

Содержание

I. В Англии	6
II. В Ирландии	15
III. Первое путешествие	26
IV. Ремонт	34
V. Второе путешествие	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мазо де ля Рош

Штормовые времена

*Вон Уилмот Святому Иоанну и Леоноре Эрвин,
а также*

Рэйч Ловат Диксон

*в знак дружбы и в память надписи
на моем экземпляре «Софии»*

Mazo de la Roche
The Building of Jalna

* * *

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Building of Jalna © Estate of Mazo de la Roche, 1944

© Болгова Л., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

І. В Англии

Аделина подумала, что никогда, никогда в жизни не видела ничего настолько прекрасного, как опера «Богемская девушка». Романтика сюжета охватила ее, как лунный свет пробивается через витражи. А музыка! Слова и мелодии захватили ее, она чувствовала себя как во сне. Покидая театр «Друри-Лейн», она схватилась за руку Филиппа: казалось, она не чувствует ног, а толпа парит вокруг.

Она взглянула в его лицо, чтобы понять, что он чувствует. Она заметила свое отражение в огромном зеркале в позолоченной раме, порадовалась увиденному и теперь надеялась, что такое же выражение лица у Филиппа. Но тот выглядел точно так же, как при входе в театр: довольным тем, что пришел в оперу, довольным и собой, и ею, радостным оттого, что вновь вернулся в Лондон.

Аделина сжала его руку, и его лицо расплылось в улыбке. Ни у кого из зрителей не было такого прекрасного мужественного профиля, как у Филиппа! И конечно, не нашлось бы другого мужчины с такими расправленными плечами и такой безупречной осанкой! Он повернул к Аделине голову, посмотрел на нее, и в его ярко-голубых глазах засветилась гордость. Филипп быстро огляделся: замечают ли другие ее красоту. Несомненно, замечали. Два джентльмена рядом с ней замечали Аделину даже больше, чем позволяли приличия. Они без стеснения на нее глазели.

Аделина об этом знала, на что указывали разгоревшийся румянец и дерзкий взгляд, которым она их одарила, по-прежнему улыбаясь Филиппу.

Они дошли до двери наружу; чтобы успешно провести через нее Аделину в пышном кринолине с оборками из тафты, потребовалось все умение Филиппа. «Ничего удивительного, что эти парни на нее пялились, – подумал Филипп. – Нечасто встречаются настолько притягательные лица, как у Аделины. Есть ли другое такое же?»

Яркая внешность Аделины заставляла людей оборачиваться. Густые вьющиеся локоны глубокого золотисто-каштанового оттенка на солнце отливали рыжим, мраморная кожа светилась розовым, живые карие глаза были обрамлены длинными черными ресницами. Но, и не будь всего этого, ее гордое и смелое лицо с орлиным носом, бровями дугой, подвижным смеющимся ртом получило бы его благосклонность.

Раздавался стук копыт по булыжной мостовой. Частные экипажи выстроились в роскошный ряд. Аделина с тоской смотрела на них: им с Филиппом нужно было ждать кеб. Они пробрались к краю тротуара, причем Филипп по-прежнему старался защитить кринолин Аделины.

Словно из канавы, перед ними возник уличный музыкант. Он был изможден, в лохмотьях, но мог играть. Он прижал плечом скрипку и яростно взмахнул рукой со смычком. Музыканта не замечал никто, кроме Аделины, но он отчаянно играл.

– Посмотри, Филипп! – воскликнула она. – Бедняга!

Филипп взглянул и, поморщившись, что теряет время, продолжил поиск кеба. Аделина застыла.

– Дай ему что-нибудь, – холодно потребовала она.

Филипп нашел экипаж и стал подталкивать к нему Аделину. Извозчик слез со своего места и распахнул дверцу. Под напором толпы, ведомая рукой Филиппа, она оказалась внутри кеба. Но нищий заметил ее полный сострадания взгляд, и у дверцы возникла его изможденная фигура. Под его умоляющим взглядом Филипп вынул из кармана шиллинг.

– Благослови вас господь, сэр! Благослови вас господь, миледи! – снова и снова благодарил несчастный. В свете газовых фонарей его лицо казалось мертвенно-бледным.

Копыта стучали по мокрой мостовой. Филипп и Аделина обернулись и победно смотрели друг на друга. Каждый думал, что одержал верх.

После долгих лет, проведенных в Индии, их опьяняли многолюдные улицы и яркие огни. Аделина действительно не знала Лондон: ее родиной было графство Мит¹, а городом, где она провела отрочество, Дублин. Несколько сезонов она протанцевала там на балах, но вопреки надеждам родителей, несмотря на всю свою грацию и красоту, так и не нашла подходящую партию. Ее поклонники, выходцы из хороших семей, все как один были привлекательны, но не имели средств, достаточных, чтобы входить в истеблишмент. На флирт с ними она потратила много времени.

Затем ее сестра Джудит вышла замуж за офицера, служившего в гарнизоне в Джалне, пригласила Аделину, и та с радостью отправилась в гости. В Ирландии ей было тесно; к тому же она поссорилась с отцом, еще более вспыльчивым и властным, чем она. Причиной их ссоры стало наследство, оставленное ей двоюродной бабушкой. Отец был тетушкиным любимчиком и уверенно полагал, что унаследует ее состояние. Оно не было велико, но в сложившихся обстоятельствах и эти деньги казались щедростью. Теперь он горько пожалел, что назвал дочь в честь этой тетушки. Это был просчет; это да еще льстивое обхождение Аделины.

В доме Джудит она встретила гусарского офицера Филиппа Уайтока. Он происходил из семьи давних обитателей Уорикшира. Действительно, Уайтоки жили в своем имении уже несколько столетий. Они считали других ровней, хотя их род был древнее, чем большинство остальных в графстве. Некогда они владели значительным состоянием, которое передавали по наследству от отца к сыну в целостности и сохранности. Детей в семье всегда было немного, но все – прекрасного телосложения. Процветание семьи длилось до тех пор, пока дедушка Филиппа не пристрастился к азартным играм, широко распространенным в его времена. Ради игры в карты он заложил фамильное поместье и в конце концов вынужден был его продать. Исключительно благодаря здравому смыслу отца и его скромной трезвой жизни сельского джентльмена Филипп сумел поступить на военную службу и имел достаточно средств, чтобы поддерживать офицерское положение.

Филипп и Аделина были очарованы друг другом. После нескольких встреч они страстно влюбились. И все же кроме пламени страсти в их любви был замечен настоящий металл. Несмотря на нередкие разногласия в уже супружеской жизни, они всегда знали, что предназначены друг для друга и никто посторонний не может занять место другого и даже приблизиться к этому месту. По сравнению с Аделиной другие женщины казались Филиппу простоватыми и даже ограниченными. Каждый ее жест имел для него значение. Его всегда волновала близость их общения и возбуждала мысль, что, несмотря на своеволие, ему в конечном итоге удавалось ее контролировать.

Аделину восхищала мужественная красота Филиппа, свежесть лица, которой не навредили годы, проведенные в Индии, пылокое выражение дерзких голубых глаз, мальчишеский изгиб губ. Но намного сильнее, чем внешности, она радовалась его власти над ней, его английской надежности, загадке его молчания, и она должна была протягивать к нему руку и своей кельтской мягкостью возвращать себе.

Свадьба в индийском гарнизоне не имела равных. Ей было двадцать два, ему на десять лет больше. Он хорошо ладил с подчиненными, но между ним и полковником часто возникала напряженность. Филипп был не из тех, кто с готовностью подчиняется. Он пребывал в непоколебимой уверенности, что всегда прав, и, таким образом, зачастую лишь усложнял дело. Когда Филипп выступал против других, Аделина всегда вставала на его сторону, когда же он спорил с ней, то видела, каким он может быть упорным и упрямым.

Джудит, двумя годами старше, посоветовала Аделине заказать в Дублине самое пышное приданое из возможных, потому что, сказала сестра, это может быть последним, что она получит от отца. Поэтому обе они провели счастливые дни, составляя для матери список покупок.

¹ *Mit* – графство на Востоке Ирландии.

Добрая женщина никогда и ни в чем не могла отказать детям и, в свою очередь, проводила счастливые недели, суетливо обегая дублинские магазины. В Джалне приданое стало настоящей сенсацией. Аделина плыла к алтарю в подвенечном наряде, словно серебряное облако.

Молодожены обосновались в гарнизоне и решили вести настолько блестящее существование, насколько это позволяло место. Без них не обходилось ни одно развлечение. Они были такими жизнерадостными, их вино было лучшим, а наряды и лошади – самыми красивыми.

Известие, что у Аделины будет ребенок, стало для них потрясением. Они не хотели детей. Им было достаточно друг друга, к тому же дети, рожденные в Индии, часто бывали болезненными и их всегда требовалось посылать домой для обучения. Расставание с детьми было печальной стороной жизни англичан в Индии. Аделина ужасалась тому, через что ей предстояло пройти. То, что у ее матери было одиннадцать детей (четверо из которых умерло в младенчестве), для нее ничего не значило. Она словно чувствовала себя первой женщиной в мире, которая столкнулась с этим испытанием. И это стало тяжелым испытанием: медленные и сложные роды с последующими слабостью и депрессией. Ребенок не развивался и заполнял дом своим плачем. Какая перемена по сравнению со счастливой и беззаботной до того жизнью!

Отдых в горах не принес Аделине никакой пользы. Казалось, она становится инвалидом. Тревоги сказались на характере Филиппа. Он страшно повздорил с полковником и решил, что судьба против него. К тому же он ощутил стремление к более открытой, не такой ограниченной жизни и обратился в мыслях к Новому Свету. Его стал тяготить консерватизм жизни в армии. Если он останется в Индии, то придется устраивать перевод в другой полк, поскольку ссора с полковником оказалась не из тех, что предполагают примирение. Дядя Филиппа, служивший в Квебеке, не уставал нахваливать в письмах племяннику тамошнюю жизнь. Филипп задумался, подходит ли канадский климат Аделине. Он посоветовался с доктором, который заявил, что в целом свете она не найдет более подходящего для нее климата и более бодрящего воздуха, чем в Канаде.

Когда Филипп заговорил об этом с Аделиной, то ожидал, что она воспротивится переменам. Но, к его удивлению, она обрадовалась будущему приключению и заявила, что не хочет ничего сильнее, чем ехать в Канаду. Она устала от всего, что связано с Индией, устала от гарнизонных сплетен, от жары и пыли, от толп туземцев, а больше всего устала от нехватки собственной нетерпеливой энергии.

Даже с согласия Аделины Филипп медлил принять окончательное решение. Но пока он колебался, квебекский дядюшка умер, оставив ему немалое наследство.

Филипп продал свой офицерский чин, лошадей и пони для поло, а Аделина – обстановку бунгало, оставив только некоторые вещи, дорогие ей как память об Индии: красивую расписную кожаную мебель из спальни, комод и сундук, обитые медью, несколько вышивок шелком, безделушки из нефрита и слоновой кости. Они отбыли морем из Бомбея с дочкой Августой и ее местной нянькой, заботившейся о ребенке с рождения. Нянька ужасалась мысли о необходимости плыть по океану на край света, но она так любила маленькую Августу, что была готова отправиться с ней куда угодно. Самой важной особой в их компании, как он сам считал, был попугай Аделины – умная и здоровая молодая птица, говорун в великолепном оперении. Вопреки мнению, что лучшие говорящие попугаи – жако, попугай имел прекрасное произношение и богатый, хотя частично непристойный словарный запас. Любил он только Аделину и только ей позволял себя гладить. Хозяйка назвала его Бонапартом, поскольку тайно восхищалась «маленьким капралом». Аделина восхищалась французами и лишь спустя годы замужества под влиянием Филиппа стала по-настоящему верной английской короне. Филипп же не испытывал к Наполеону ничего, кроме презрения и неприязни. Его отца убили в битве при Ватерлоо, а сам он родился несколькими месяцами позже. Французов он не любил и не уважал, а попугая добродушно-насмешливо называл Бони.

Путешествие из Индии в Англию казалось бесконечным, но в целом не было неприятным. Они направлялись к новой жизни. На борту собралось много близких по духу людей, и семья Уайток среди них оказалась нарасхват. Погода стояла ясная, и за время путешествия здоровье Аделины улучшилось.

За неделю до Рождества они высадились в Ливерпуле. С ребенком, нянькой и горой багажа долго тряслись в дилижансе до небольшого города Пенчестера, где их с нетерпением ждала единственная сестра Филиппа. Ребенка назвали в ее честь. Сестра была замужем за деканом собора юго-западного графства, человеком значительно старше ее, книжным червем, ненавистником перемен и смуты. Они были прекрасной парой: Августа посвятила себя мужу, а он позволял ей все что угодно. Она отличалась веселым нравом; единственной печалью оставалась бездетность. Сестра Филиппа с нетерпением ждала приезда маленькой тезки, но ее ожидало разочарование. Малышка Августа была настолько застенчива, что не сходила с нянькиных рук, а та эгоистично поддерживала ее в этом. Нянька хотела, чтобы ее подопечная не любила никого, кроме нее, и цеплялась за девочку со страстной собственнической любовью.

Для сестры Филиппа это стало горьким разочарованием. Однако она надеялась со временем преодолеть детскую застенчивость. Августа мечтала оставить ребенка у себя, когда родители уедут в Квебек. Она знала, что сумеет убедить в этом декана. Ей всегда хотелось иметь девочку и ее любить. Черные волосы и глаза, желтоватая кожа ребенка казались ей романтическими и привлекательными.

– Как ты думаешь, откуда это у нее? – спросила она однажды своего мужа. – У Филиппа румянец, у Аделины каштановые кудри и сливочная кожа...

– Спроси лучше у раджи, о котором Аделина все время восторженно рассказывает, – заметил декан. – Наверное, он сможет рассказать.

Жена посмотрела на него с ужасом. За всю их супружескую жизнь он никогда не делал столь непристойных замечаний. И это о жене ее брата!

– И все же, – заметил декан в свою защиту. – Посмотри на великолепное рубиновое кольцо, которое он ей подарил.

– Фредерик! – еще больше испугавшись, воскликнула Августа. – Ты же не всерьез, правда?

– Конечно, нет, – успокаивающе ответил он. – Разве ты не понимаешь шуток? – Но добавил: – Тогда почему раджа подарил ей это кольцо? Я же вижу, что Филиппу это не нравится.

– Раджа подарил ей кольцо, потому что она спасла жизнь его сыну. Они вместе катались на лошадях, и конь мальчика понес. Это был горячий арабский скакун, и он стал необуздан.

Фредерик изобразил скорее усмешку, чем улыбку.

– И Аделина, прекрасная дерзкая ирландка, поймала арабского скакуна и спасла наследника раджи, – заметил он.

– Да, – Августа холодно взглянула на мужа.

– Филипп был там? Он помогал спасению?

– Думаю, нет. С чего бы?

– Ну что ж, возможно, раджа не наградил бы порядочного британского офицера так щедро.

– Фредерик, ты ужасен! – вскричала Августа и оставила его наедине с низкими мыслями.

Аделина решила, что за время пребывания в Англии нужно написать их портреты. Позже им уже никогда не выпадет такая возможность. И конечно, красивее, чем были, они уже не станут. Прежде всего у нее должен быть настоящий портрет Филиппа во всей гусарской красе, а не какой-нибудь дагеротип. Семейство Уайток в прошлом поставляло прекрасных офицеров

и в Гусарский полк², и в полк Буйволов³, но, как считала Аделина, среди них не было никого такого же благородного и удалого, как Филипп.

Эта мысль понравилась и Филиппу, хотя сумма, которую он должен был вручить художнику, оказалась непомерной. Но портреты этого живописца были в моде, особенно в военных кругах. Мало того, он умел придать военной форме такой вид, что она, казалось, выступала за раму, самый захудалый офицер, страдавший несварением желудка, приобретал властный взгляд. Что до причастных леди, то художник превосходил самого себя в изображении оттенков кожи и мерцающих тканей. Портреты Филиппа и Аделины стали, вероятно, самыми удачными в его карьере, и то, что их должны были вывезти из Англии еще до выставки в академии, стало для него большим расстройством.

Идея запечатлеть себя в расцвете сил была не единственным проявлением экстравагантности Аделины. Она знала, что на сеансы позирования уйдет несколько недель, и преисполнилась решимости получить от Англии как можно больше удовольствия. В Лондон пара ездила три раза, это был последний визит. Завтра им придется вернуться в тихий городок, где жила сестра Филиппа.

Аделина упала в мягкое бархатное кресло в спальне отеля и воскликнула:

– Я так волнуюсь, что сейчас умру!

– Ты слишком чувствительна, – ответил Филипп. – Надо ко всему относиться легко. Как я.

Встревоженно взглянув на нее, он добавил:

– Ты очень бледная. Я попрошу принести стакан стаута и печенье.

– Нет. Не надо стаут! Шампанское! После этой божественной оперы – прозаическое пиво? О, я никогда не забуду этот вечер! Неземной голос Таддеуса! Восхитительная Арлин!

Аделина вскочила, уронив на пол свою меховую накидку, и принялась расхаживать по комнате из угла в угол. У нее был страстный, но не очень приятный голос и самое приблизительное представление о мелодии, но первые такты полюбившейся арии удалось воспроизвести:

Мне снилось, я в мраморных залах жила,
Со мною – рабыни и слуги... —

запела она, и ее подбородок вздернулся, открыв красивую молочно-белую шею.

Аделина торжествующе рассмеялась. Филипп видел ее красоту, но видел и худобу ее рук, и слишком яркие красные губы, и блеск глаз. Он поднялся, дернул за шнурок и заказал у пришедшего слуги стаута.

Аделина замолчала. Мелодия от нее ускользнула, но ей уже было очень тяжело успокоиться. Она раздвинула темно-красные шторы и выглянула на улицу, где свет газовых фонарей лужицами растекся на мокрой мостовой и проезжали кебы, запряженные лошадьми с лохматыми гривами и мокрой упряжью. Таинственная жизнь пассажиров наполнила ее странной тоской. Она повернулась к Филиппу.

– Мы ведь когда-нибудь вернемся? – спросила она мужа.

– Конечно. Обещаю привозить тебя каждый второй или третий год. Мы не собираемся хоронить себя в глуши. И не забывай про Нью-Йорк. Его мы тоже посетим.

Аделина обняла мужа за шею и быстро поцеловала.

² В Англии датой создания первого гусарского полка считается 1806 год. Британия так именовала легких драгун (воины кавалерии, обученные действиям и в пешем строю), вооруженных саблями. – *Здесь и далее прим. пер.*

³ *Королевский Восточно-Кентский полк*, также известный как «Буйволы» – полк линейной пехоты, несший службу в гарнизоне Кентербери.

– Мой ангел, – произнесла она. – Если бы мне пришлось сегодня спать с кем-то, кроме тебя, я бы кинулась в окно.

– И совершенно правильно, – заметил Филипп.

Они отодвинулись друг от друга и приняли благопристойные позы, так как снова появился слуга с закусками. Он застелил овальную столешницу белоснежной скатертью и сервировал его несколькими бутылками стаута, печеньем, сыром, холодным голубиным пирогом для Филиппа и небольшой миской горячего мясного бульона для Аделины.

– Как это замечательно выглядит! – воскликнула она, когда они остались одни. – Знаешь, у меня опять разыгрался аппетит. Что, если я съем немного чеддера? Я его люблю.

– Что за выражения ты используешь? Ты любишь меня, и ты любишь сыр. Полагаю, твои привязанности ничем не отличаются друг от друга.

– Дурачок! – рассмеялась она и, прижав ладони к бокам, добавила: – Право, Филипп, прежде чем я попытаюсь поест, тебе придется меня расшнуровать, иначе во мне не найдется места ни для чего, кроме печенья.

Помогая справиться со сложной застежкой, Филипп серьезно произнес:

– Не отделаться от мысли, что тугая шнуровка вредна. На самом деле врач на корабле рассказал мне, что именно из-за нее случается множество тяжелых родов.

– Очень хорошо, – заявила Аделина. – В Канаде я перестану шнуроваться и буду ходить в подпоясанном мешке. Вообрази меня в чаще леса! Я на охоте, только что загнала или застрелила оленя, бобра или кого-нибудь в этом роде... Иду домой с добычей на плечах. Вдруг чувствую легкое неудобство, вспоминаю, что я в положении и, возможно, час настал. Я нахожу подходящее место под оливой...

– Там их нет.

– Отлично, подойдет любое дерево. Устраиваюсь поудобнее, рожаю ребенка почти без стонов, кладу его в нижнюю юбку и с оленем или бобром на плечах возвращаюсь домой. Брошаю добычу к твоим ногам, а младенца – тебе на колени. Кстати, замечаю я, вот тебе сын и наследник.

– Проклятье! Так вот как надо! – Филипп сражался с крючками и петлями. – Все, мой ангел! Выходи!

Голубая тафта ярким каскадом упала на пол, но кринолин все еще стоял вокруг Аделины, и из него как хрупкая опора для бюста и плеч поднималась ее тонкая талия. Филиппу кое-как удалось вызволить ее из кринолина, нижней юбки и лифа-чехла, однако пришлось повозиться с туго затянувшимся корсетным шнуром. Красивое лицо Филиппа покраснело от натуги, и прежде чем освобожденная Аделина осталась в сорочке, из его уст вырвалась пара проклятий. Вместо ожидаемого поцелуя он внезапно слегка толкнул ее и сказал:

– А теперь надевай свой пеньюар и давай поедим.

Пока она надевала фиолетовый бархатный халат и снимала с запястий браслеты, Филипп наблюдал за ней с видом то ли собственника, то ли обольстителя. Усевшись за стол, она удовлетворенно засмеялась и оглядела яства.

– Как же я голодна! – заявила она. – И как все хорошо выглядит. Мне обязательно нужно съесть этого сыру, я его обожаю!

– Ну вот, опять, – заметил Филипп, отрезая ей кусочек сыра. – Ты обожаешь еду! Ты обожаешь меня! Какая разница?

– Я никогда не говорила, что обожаю тебя, – парировала Аделина, впиваясь зубами в сыр, и рассмеялась как ненасытная девица.

Филипп в этот момент подумал, что в этом – часть ее обаяния: его жена может сидеть и жадно есть, но при этом казаться соблазнительной. Он сидел и смотрел на нее, удивляясь тому, что странным образом сочетание ее жадного поедания, слишком худых рук и чересчур тугого корсета лишь повышало ее привлекательность. Он сидел и смотрел на нее, чувствуя, что

то, как она жадно ела, как слишком тонки ее руки, как тесен был ее корсет, лишь придавало ей желанности.

Наконец она встала и подошла к нему.

«Боже мой, – подумал Филипп. – Есть ли на свете какая другая женщина, способная так двигаться? Она никогда не постареет!»

Она подошла и опустилась в его объятия. Вытянулась вдоль его тела, желая раствориться в нем, намеренно превращаясь в существо, созданное его страстью. Она старалась дышать вместе с тем одновременно, так, чтобы их сердца бились в унисон.

Он склонился к ней, и их губы встретились. Она быстро отвернулась, но затем с закрытыми глазами вновь повернулась к нему и с упоением поцеловала.

Однако на следующее утро ей стало грустно. Они уезжали из Лондона. Когда она снова сможет его увидеть? Возможно, никогда, учитывая опасности, предстоящие в путешествиях. Что станет с ними в Новом Свете? Что за далекая чужбина ждет их?

Путешествие из Лондона в Пенчестер длилось долгие часы. Аделина вышла из поезда очень усталая. Но возле станции их встретил экипаж настоящего с удобными мягкими сиденьями и ярко светившими в сумерках фонарями. На улицах стояла тишина, и поездка была спокойной. Вскоре на фоне заката перед ними вырос высокий собор. В его окнах продолжало отражаться солнце. Это было неземное зрелище, казалось, способное длиться вечно. Аделина наклонилась к окошку экипажа, вглядываясь в эту картину. Она хотела запечатлеть этот образ в своей памяти и увезти с собой в Квебек. Ей казалось, что даже декан не любит этот собор так, как она. И прелестные улочки, теснящиеся вокруг него, – сумрачные, но такие аккуратные, трогательные, в традициях прошлого.

А сам дом декана! Вылезая из экипажа, Аделина пожалела, что им не владеет. Дом казался таким солидным, теплым, гостеприимным. Она могла бы быть тут хозяйкой, судя по ее багажу, загромоздившему холл, голосу ее мужа, отдававшего приказы слугам, плачу ее ребенка, эхом звеневшему в доме, ее попугаю, разрывающему воздух эротическими нежностями при звуке ее голоса. Казалось, Августа и пресвитер – никто в собственном доме.

Аделина кинулась к попугаю, сидевшему на цепочке на жердочке гостинной.

– Бони, милый, я вернулась! – воскликнула она, приближая свое прекрасное орлиное лицо к птичьему клюву.

– А, жемчужина гарема! – закричал попугай на хинди. – *Дилхуса! Нур-Махал! Мера-лал!*⁴ – и ухватил хозяйку за ноздрю. Его темный язык затрепетал возле ее губ.

– Где он всему этому научился? – спросил декан.

Аделина повернулась и дерзко посмотрела на него.

– У раджи, – ответила она. – У того раджи, который мне его подарил.

– Вряд ли это прилично... – заметила Августа.

– Неприлично, – ответила Аделина. – Это красиво, безнравственно и совершенно пленительно.

– Я имею в виду то, что говорит птица.

– Да. Я имею в виду то же самое.

В разговор вмешался Филипп.

– Августа, что, ребенок ревел все время, пока нас не было? – спросил он.

Лицо его сестры омрачилось, за нее ответил декан.

– Да, в самом деле, – сказал он. – Собственно говоря, между младенцем и попугаем я не мог найти в доме ни единого места, где бы мог мирно писать свои проповеди. – И добродушно добавил: – Но это не имеет значения, не имеет значения.

⁴ *Нур-Махал* – дворец в городе Бахавалпуре в пакистанской провинции Пенджаб. *Мера лал* – фрагмент йогической мантры.

Но это имело значение. Филипп понимал, что декану требуется больше тишины, чем гусару, и что дочь его раздражает. Ей скоро год, и пора бы немного поумнеть.

Тогда Филипп впервые в жизни взял младенца на руки и стал наставлять. Держа ее в своих сильных ладонях так, что ее желтоватое личико оказывалось на уровне его румяного лица, он сказал:

– Озорница, разве ты не знаешь, что к чему? Вот твои дядя и тетя, у них нет детей. А вот ты, маленькая девочка, – то, что им надо. Ты сможешь остаться с ними, по крайней мере до тех пор, пока мы с мамой не обустроимся в Канаде. Будешь себя хорошо вести, они сделают тебя своей наследницей. Я имею в виду, ты должна перестать реветь всякий раз, когда тетя на тебя смотрит. Ты не должна плакать. Поняла?

Но Гасси понимала только, что ей нехорошо. Она страдала от постоянных коликов, вызванных неразумным кормлением и еще более неразумными лекарствами, от которых пища не переваривалась. Однако няня считала, что никто, кроме нее, не способен ухаживать за ребенком.

Гасси была не по возрасту развита, частью из-за замечательного ума, частью из-за постоянной смены обстановки, которая стала ее уделом. Она поняла, что сильное существо, высоко поднявшее на руках и говорившее звучным голосом, велело ей не плакать и держать страдания от боли и застенчивость при себе. И когда тетя в очередном внезапном приступе любви схватила ее, чтобы потискать, малышка с огромным усилием сдержала рыдания. Она печально уставилась в лицо старшей Августы, уголки ее губ опустились, глаза стали огромными, но ей удалось сдержать слезы.

Увидев выражение детского лица, Августа пришла в потрясение.

– Почему малышка меня так ненавидит? Я же вижу, – в ужасе произнесла она.

– Глупости, – ответил ей Филипп. – Это всего лишь застенчивость. Она ее преодолет.

Он пощелкал перед Гасси пальцами.

– Нет, я пыталась и старалась с ней подружиться. А она сейчас окинула меня таким *отчаянным* взглядом! Как будто она изо всех сил сдерживалась, чтобы не заплакать. Вот, возьми ее, Аделина.

Аделина приняла дочь и не очень нежно шлепнула по задку. Этого Гасси вынести уже не смогла. Она напряглась и завопила. В холл вошел декан, надевая мантию.

– Полагаю, я пойду в ризницу, – сказал он. – Возможно, там я смогу обрести покой.

Тут Аделина и Филипп осознали, что орет еще и попугай. К счастью, декан не понимал хинди, потому что то, что кричал Бони, было худшими в его словарном запасе выражениями, которым он научился у матросов на борту корабля.

Аделина и Филипп почувствовали, что пришло время завершить визит. Ему не терпелось начать новую жизнь, но ей, воодушевленной поездками в Лондон, хотелось подольше побыть в тиши Пенчестера. Ей нравился спрятавшийся за стеной солнечный сад за домом декана, где, несмотря на февраль, цвели крокусы и появились бутоны нарциссов.

Однажды утром Августа привела брата в гостиную и заявила:

– Филипп, полагаю, ты не получил положенную долю имущества родителей.

Голубые глаза Филиппа расширились в радостном предвкушении.

– Ты задумала мне что-то отдать, Августа? – удивился он.

– Да, если ты считаешь, что сможешь в целости довести дорогую мебель. Мне неприятно думать, что с драгоценным имуществом, которым дорожила наша семья, грубо обойдутся.

– Не обойдутся, – с готовностью заверил Филипп. – Все будет тщательно упаковано в ящики, и я лично прослежу за погрузкой и выгрузкой. Мы отправляемся на скоростном клипере, о котором говорят, что он почти такой же быстроходный, как пароход, но куда чище и удобнее.

Августа вздохнула:

– Как же я не хочу, чтобы вы уезжали! Вы с таким трудом вернулись из Индии только для того, чтобы снова вас потерять. И я очень боюсь путешествия для милой девочки.

– Августа, – серьезно начал Филипп. – Если ты хочешь на время оставить ребенка...

– Нет, нет! Никогда. Малышка Августа меня не признает. Она слишком много плачет. Это расстраивает Фредерика. Она придет в гости, когда подрастет...

– Избалованное создание, – пробурчал Филипп. Он нахмурился, но вскоре просиял: – Дом, который оставил мне дядя Николаса, говорят, крепкий, во французском стиле, – заметил он. – Я хочу его хорошо обставить. Ты знаешь, мы кое-что привезли из Индии. У Аделины есть очень примечательная кровать и инкрустированные шкафы. Кроме того, у нас прекрасные ковры. Мы справимся. Не волнуйся.

– Но я действительно волнуюсь. Я хочу, чтобы вы заняли в Квебеке достойное место в обществе. А это будет трудно сделать в плохо обставленном доме.

– Мы справимся. Мне представляется, что там не так уж много гусарских офицеров, а Аделина, как ты знаешь, внучка маркиза.

– Да. Она тоже выглядит утонченно. Она тебе показывала жемчужные брошь и браслет, которые ей я подарила?

– Да. И я очарован.

– Сейчас я собираюсь отдать вам мебель из нашего дома. По большей части это настоящий чиппендейл, он украсит любую гостиную. Но мне это не нужно. Когда Фредерик привел меня в этот дом, он был полон мебелью. У нас нет детей, не для кого беречь. Хочешь ее, дорогой Филипп?

– Безумно хочу! – воскликнул Филипп. – Это так великодушно с твоей стороны, Августа!

Аделина была очарована щедростью Августы. К ней вернулась веселость. Дом наполнили ее разговоры, ее смех, звуки ее нетерпеливых шагов. Филипп не знал, что такое желать покоя и тишины, но как искренне этого желали Фредерик и Августа!

Ко времени отъезда визитеров почтенная пара совершенно измучилась. Самым их искренним желанием было увидеть дорогих родственников в последний раз, а затем никогда больше не принимать их с длительными визитами. Филипп и Аделина, со своей стороны, почувствовали охлаждение в семейной атмосфере и обиделись. Они собрались навестить родных Аделины в Ирландии.

– Вот ты встретишь ирландское гостеприимство, благородные сердца и истинную любовь! – воскликнула Аделина, откинувшись на подушки кареты.

II. В Ирландии

Даже во время долгого путешествия из Индии в Англию Аделина не страдала так, как когда она пересекала Ирландское море. Волны были невысокие, но порывистые и сильные. Иногда Аделине казалось, что судно совсем не движется и никогда не сдвинется с места, а будет только барахтаться в мучительных серых бурных водах, пока не погибнет. Лицо няни пугающе позеленело. Гасси, не мучившаяся морской болезнью во время первого путешествия, теперь ужасно страдала. Вид свежего, румяного и, как всегда, бодрого Филиппа, с влажными от брызг щеками, весьма раздражал. Впрочем, он мог ухаживать за Аделиной, и это служило утешением. По правде говоря, он поддерживал всех, кто находился с ним рядом.

Ирландский поезд был грязным и дымным, железнодорожное полотно неровным, но после Ирландского моря оно показалось раем. Один за другим страдальцы поднимали головы к небу и смотрели на него с новым интересом к жизни. Гасси взяла в крошечную ручку печеньице и предприняла слабую попытку его погрызть, но по халату няни рассыпалось больше крошек, чем попало в рот девочки.

На станции их встретил экипаж, запряженный парой прекрасных серых лошадей под водительством Пэтси О'Флинна, который всю жизнь служил семье Корт, – превосходного кучера.

Легкий ветерок обдувал холмы, покрытые нежной зеленью, почки раскрывались прямо на глазах. Вдали висел легкий туман, солнце окутала дымка. Гогот гусей, крики осла, крики играющих детей заставили Аделину прослезиться.

– Ах, как хорошо дома! – воскликнула она.

– Да и я рад видеть вашу честь, мисс, – ответил Пэтси. – Да нехорошо, что вы думаете так скоро опять нас покинуть.

– Я устрою хороший визит. Мне так много нужно показать мужу и навестить всю семью. Я полагаю, отец встретит меня на станции. Он нездоров?

– Вполне здоров и подает жалобу на сэра Джона Лафферти за то, что тот затопил нашу землю, превратив ее в болото, и скотина одичала, словно волки.

– А мать здорова?

– Да, и уж не знает, что и придумать, бедняжка, чтобы подготовить дом и для вас, и для вашей черной служанки, и для попугая, и для всех остальных.

– А мои братья дома?

– Этих пареньков ваша мать отослала в английскую школу, чтобы их научили говорить с акцентом, как джентльменов, но там они набросились на учителя и его поколотили. Вот их и выгнали, и теперь они сидят дома, пока сами не решат, что с ними делать. И, конечно, мастер Тим дома. Он просто молодец!

Аделина и Пэтси болтали, к радости и удивлению Филиппа. На фоне юности он видел ее в новом свете. После дождя и наводнения дорога утопала в такой грязи, что колеса проваливались почти до осей, но, по всей видимости, Пэтси это нисколько не волновало. Он щелкал кнутом по холеным бокам лошадей и погонял их потоком колоритной брани. Несколько раз в дверях низких соломенных домиков по обеим сторонам дороги появлялись женщины и, завидев Аделину, показывали ей своих детей, а птицы рылись вокруг них и что-то клевали в хижинах и снаружи. Повсюду царил атмосфера беззаботного благополучия, а дети были упитанными, хотя и далекими от чистоты. Аделина, казалось, рада была видеть и матерей, и детей. Она окликала их и обещала навестить позднее.

Поля вокруг были голубовато-зеленоватыми, как море, и трава слегка колыхалась на ветру. Стада стояли по колено в траве. Аделина смотрела вдаль. Над деревьями парка, где паслись олени, показалась крыша ее дома.

– А вот и мой дом, Филипп! – закричала она. – Господи, подумать только, я не видела его почти пять лет. И ничего прекраснее с тех пор не встречала. Взгляни на него! Разве он не великолепен, Филипп?

– Он рассыпается на части, – сказал через плечо Пэтси. – И на его восстановление потратят дай бог если пять фунтов.

Это действительно был прекрасный старый дом, хоть не такой красивый, как казалось Филиппу по рассказам Аделины. Хотя он и не был знатоком архитектуры, тем не менее он видел, что в разное время к оригиналу были добавлены еще несколько стилей. Теперь все это слилось во вполне приятное целое. Но дом не был благородной громадой, которую описывала Аделина, и с первого взгляда отмечались признаки ветхости. Даже роскошное покрывало плюща не скрывало осыпавшейся каменной кладки.

Аделина восторженно вытянула шею, чтобы разглядеть каждую мелочь.

– Ах, Филипп! – вскричала она. – Чудесный дом?

– Да, так и есть.

– Маленький домик твоей сестры ничто по сравнению с ним.

– Дом Августы был построен во времена королевы Анны.

– Кому есть дело до королевы Анны! – рассмеялась Аделина. – Королева Анна умерла, как и этот душный кафедральный город. О, моя родина! Моя Ирландия! Мой старый родной дом! – По ее щекам градом полились слезы.

– Если ты не будешь держать себя в руках, я дам тебе пощечину. Неудивительно, что ты такая худая, – сказал Филипп.

– Ах, почему я вышла замуж за флегматичного англичанина!

Они остановились у дверей, и полдюжины ручных оленей подошли посмотреть, как они вылезают из коляски. Аделина заявила, что она узнает каждого и что они тоже ее помнят.

Лакей, открывший им дверь, был в красивой, тесноватой ему ливрее. Он радостно поздоровался с Аделиной:

– Благослови вас бог, мисс Аделина! Как славно, что вы вернулись. Боже мой, как же вы исхудали! Что с вами делали? А этот милый джентльмен – ваш муж? Добро пожаловать, сэр, ваша честь. Проходите. Пэтси, пригляди за их багажом, да поживее.

Он повернулся и прикрикнул на трех собак, залаявших на прибывших.

Филипп вдруг почувствовал себя неловко. Он не понимал, как знакомиться с семьей жены. Все, что она о них рассказывала, делало их не вполне реальными. Он был готов к тому, что они ему не понравятся, что они начнут его критиковать, но высокий джентльмен, торопливо спустившийся по лестнице, протянул ему руку с радушной улыбкой.

– Приветствую вас, капитан Уайток, – сказал он, слабо сжав Филиппу пальцы. – Добро пожаловать в Ирландию. Очень рад вас видеть, сэр. Простите, что лично не встретил вас на станции, но должен был присутствовать в здании суда по одному утомительному делу, которое требовалось уладить... А теперь, моя девочка, дай-ка на тебя взглянуть.

Он обнял Аделину и поцеловал ее. Теперь Филипп мог рассмотреть его.

Аделина рассказывала о своем отце, Ренни Корте, как о мужчине прекрасного телосложения, но, по мнению Филиппа, его спина была слишком худой, плечи недостаточно широки, а ноги не очень стройны. Было забавно наблюдать прелестные черты Аделины на костистом мужском лице с орлиным носом. Волосы у него тоже некогда были рыжими, судя по ржавому оттенку седины. И глаза, конечно, были ее.

Филипп заметил, что в холл вошли несколько человек – женщина чуть старше средних лет и три молодых человека.

– А, мама, вот и я! – Аделина повернулась от отца и обняла мать.

Филипп был официально представлен. Леди Гонория Корт все еще хранила ту красоту испанского типа, что передавалась в ее семье со времен Армады⁵, когда испанский дон остался в Ирландии, чтобы жениться на прародительнице ее рода. Леди Гонория была дочерью старого маркиза Киликеггана, который вместе со знаменитым маркизом Уотерфордом развил скачки с препятствиями от не очень респектабельного вида спорта до нынешних высот.

Одна из собак, ирландская гончая, поднялась на задние лапы, чтобы заглянуть в лицо Гасси. И няня, и девочка в ужасе вскрикнули. Ренни Корт пробежал через холл, схватил пса за ошейник с большими шипами и, оттащив прочь, дал пинка.

– Вы когда-нибудь видели такую собаку? – воскликнула леди Гонория. – Он так любит детей! Что за милое дитя! У нас в городе есть человек, который изготавливает совершенно чудные дагеротипы. Пока вы здесь, Аделина, вам нужно сделать ее портрет!

Леди Гонория широко улыбнулась. К несчастью, у нее не хватало переднего зуба, и каждый раз, когда она улыбалась, поспешно прикрывала указательным пальцем губы, чтобы скрыть дыру. У нее были красивые руки, унаследованные Аделиной, и заразительный веселый смех. Первые два дня Филипп считал, что она опасается своего вспльчивого мужа, но много раз видел, как она обыгрывала его и сбивала с толку. При этом она принимала вид триумфатора, а он настороженно смотрел, будто бы ожидая очереди отомстить. Часто они не разговаривали друг с другом целыми днями, но поскольку оба имели тонкое чувство юмора и находили друг друга забавными, их размолвки прерывались внезапным смехом, с помощью которого они избавлялись от огорчений. У леди Гонории было одиннадцать детей, четверо из которых умерли в младенчестве, но она по-прежнему оставалась быстрой и грациозной в движениях и выглядела способной приумножить семью.

Аделина по очереди обняла троих своих младших братьев. Разрумянившаяся, с блестящими от радостной встречи глазами, она подвела их к Филиппу.

– Вот они! – воскликнула она. – Трое самых младших! Конвей, Шолто и Тимоти, подойдите и пожмите руку своему новому брату.

Все трое протянули Филиппу руки, первые двое смущенно, а третий – чересчур живо. Филипп решил, что в нем есть что-то необычное. Между братьями имелось замечательное сходство. Волосы у всех были светло-рыжие, глаза зеленые, лица вытянутые, с острыми чертами, а носы удивительно правильной формы с тонкими надменными ноздрями. Старший, Конвей мучил Филиппа своим сходством с кем-то уже знакомым, пока тот не сообразил, что Конвей похож на бубнового валета из его любимой колоды игральных карт.

– Поглядите на них, – Ренни Корт презрительно махнул рукой на старших. – Безобразная парочка, скажу я вам. Они опозорили меня, их выслали домой из английской школы за нападение на учителя. Я уже дал им за это по шее, но сейчас они на моем попечении, и бог знает, что мне с ними делать. Пусть работают в конюшне или на поле – только на это они и пригодны! Должен сказать, у меня есть еще два сына, славные парни. Но моей жене следовало бы остановиться прежде, чем завести этих.

Конвей и Шолто виновато ухмыльнулись, а юный Тимоти снова бросился к Аделине и ее обнял.

– Ах, как же замечательно, что ты снова дома! – выпалил он. – Я запоминал то, что хотел тебе рассказать, но все это вылетело у меня из головы, и теперь я могу только радоваться.

– Тебе не о чем рассказывать, кроме озорства, – заметил отец. – Прodelки и лукавство с утра до вечера. У вас один ребенок, капитан Уайток. Остановитесь на этом, больше не нужно! Именно дети приносят скорби, что превратили мою рыжую голову в седую.

⁵ *Армада* – крупный военный флот, собранный Испанией для вторжения в Англию в мае-сентябре 1588 г., разгромленный англичанами.

Леди Гонория прервала его, чтобы позаботиться о путешественниках. Она сама провела их в приготовленные для них комнаты. Они приняли ванну, сняли запыленное дорожное платье и спустились в гостиную.

К обеду прибыл женатый сын хозяев, живший в некотором отдалении. Это был смуглый красивый молодой человек, приехавший верхом на лошади, которую купил в тот же день и намеревался затем участвовать в Дублинских скачках. Все столпились, чтобы посмотреть на новую скаковую лошадь, и остались в восхищении от ее вида.

В столовой царила соответствующая моменту торжественность, обед подавали два лакея в ливреях. Еда и вино оказались хороши, и чем дольше длилась трапеза, тем большую легкость в общении с новыми родственниками чувствовал Филипп. Они много говорили и смеялись. Даже оба юнца забыли о своем позоре и принялись что-то азартно выкрикивать. Но когда отец бросил на них пронзительный взгляд, они тотчас же умолкли и на некоторое время замолчали.

Ренни Корт не был отсутствующим землевладельцем, живущим в Англии на ренту от заброшенных арендаторов. Он не нанимал бессердечного управляющего, а сам занимался делами в имении и знал в нем всех мужчин, женщин и детей.

Визит семьи Уайток проходил дружески, если не считать нескольких пылких стычек Аделины и ее отца. Она была единственной из детей, кто его не боялся. И все же она любила его меньше, чем другие. Она была привязана к матери и страшилась разлуки с ней. Леди Гонория не могла говорить об отъезде в Канаду без слез. Что же до Ренни Корта, то он высказался о поездке в Канаду со всем презрением.

– Что там за жизнь для джентльмена? – воскликнул он. – Что вы там найдете? Ничего, кроме лишений и неудобств. Разве там место для такой прекрасной девушки, как Аделина!

– Я готова к поездке, – прервала она. – Я думаю, что там будет великолепно.

– Что ты об этом знаешь?

– Больше, чем ты, руку даю на отсечение, – возразила она. – Филипп получил письмо от своего дяди, где тот описывает жизнь в Квебеке, и он знает полковника Вона, который живет в провинции Онтарио в центральной части Канады, и ему там нравится.

– Живет в Онтарио, и ему там нравится! – повторил отец, пристально на нее посмотрев. – А полковник Вон из Онтарио рассказал Филиппу, какие там дороги? Рассказывал о змеях, москитах и диких животных, жаждущих вашей крови? А вот я знаю человека, который останавливался там в одной из лучших гостиниц. Там была грязная лужа, и в углу его кровати квакала всю ночь лягушка. А жена этого человека так напугалась, что у их следующего ребенка оказалось лицо как у лягушки. Что ты на это скажешь, Аделина?

Он торжествующе усмехнулся.

– Скажу, что если ты говоришь о мистере Маккреди, – возразила она, – то его жене не нужно ехать в Онтарио, чтобы родить ребенка с лицом лягушки. У самого мистера Маккреди...

– Была лучшая мужская фигура в графстве Мит.

– Папа, я хотела сказать, что у него самого было лицо лягушки.

– Мы с Аделиной направляемся в Новый Свет, и никакими доводами невозможно нас отговорить, – вставил Филипп. – Как вы знаете, дядя оставил мне в наследство очень неплохое поместье в Квебеке. Я должен выехать, чтобы присматривать за ним, и если он сказал правду, то в городе имеется весьма уважаемое общество. А в округе – такие прекрасные охота и рыбалка, что вы и представить себе не можете.

– Вы вернетесь через год, – заявил Ренни.

– Посмотрим, – упрямо ответил Филипп.

Конвей и Шолто загорелись желанием сопровождать Уайтоков в Канаду. Мысль о вольной жизни в новой стране, вдали от родительской власти приводила их в восторг. Они только об этом и говорили. Мальчишки вцепились в Аделину с обеих сторон, умоляя ее позволить им поехать. Ей же идея понравилась. Если с ней будут братья, Канада не покажется такой далекой.

Мать испытала из-за них столько огорчений, что не особенно расстроится из-за разлуки. Они обещали вернуться в течение года. Ренни Корт был не прочь от них избавиться. Филиппу не нравилась мысль об ответственности, но, чтобы угодить Аделине, он согласился. Он чувствовал себя способным контролировать Конвея и Шолто куда эффективнее, чем их родители.

Маленький Тимоти и тот говорил об эмиграции в Новый Свет, но об этом не могло быть и речи. Тимоти говорил с сильным ирландским акцентом, потому что много времени проводил со своей старой няней, воспитывавшей его с раннего детства. У него было красивое, но странное лицо, и он был настолько ласков напоказ, что Филиппа это смущало. Суровое слово, вероятно, его пугало, но в следующий миг он уже смеялся. Тимоти был русоволос, все лицо покрывали веснушки, и, как обнаружил Филипп, явно нечист на руку.

Филипп грустил по своим золотым запонкам, лучшим шелковым галстукам, пистолетам, инкрустированным перламутром, и по золотому перочинному ножу. Все эти вещи Аделина по очереди изъясала из спальни Тимоти. К происшествию она отнеслась легкомысленно: заявила, что Тим ничего не может с этим поделаться. Филипп разозлился, а затем ему стало неудобно.

По правде говоря, чем больше времени он проводил в семье Аделины, тем менее ему нравились ее члены, за исключением леди Гонории. Он чувствовал, что Ренни Корт, при всей его преданности земле и арендаторам, плохо управлял и тем, и другим. Тратил слишком много денег и времени на скачки с препятствиями. Что же до политики, то они не осмеливались затрагивать эту тему, столь резко противоположны были их взгляды. Чем больше проходило времени, тем более напряженной становилась обстановка.

Филипп и Аделина приняли приглашение нанести краткий визит Корригану Карту, кузену, жившему в десяти милях от дома, и одним прекрасным весенним утром, оставив Августу, ее няню и Бонапарта на попечение леди Гонории, отправились к нему. Ренни Корт сопровождал их на норовистой серой кобыле.

Длинная аллея, обрамленная двойным рядом лип, вела к довольно впечатляющему дому кузена с башенкой, увитой плющом. Корриган Корт с женой ждали их на террасе. Пара была кузенами, но совершенно непохожими друг на друга. Он был брюнетом с изогнутыми бровями, вальяжным и высокомерным, она – румяной красавицей, полной сил. Они были женаты несколько лет, но все еще не имели детей, Бриджит Корт тепло обняла спешившуюся Аделину.

– Боже, Аделина, дорогая, как я рада тебя видеть! – воскликнула она. – Это твой муж? Вы идеальная пара! Добро пожаловать, добро пожаловать.

– Ах, Бидди Корт, как я рада нашей встрече!

Аделина так же радушно обняла ее, но Филиппу показалось, что между кузинами не было особой любви.

Вечером за ужином появился еще один гость – старый лорд Киликегган, дед Аделины. Это был красивый старик, и Филиппа позабавило, что Аделина, стоявшая между дедом и отцом, была похожа на обоих. «Как она прелестна в своем желтом атласном вечернем платье, – подумал Филипп. – Никто из женщин не может с ней сравниться».

Джентльмены остались в столовой и изрядно выпили, благо портвейн оказался превосходен. Проходя с хозяйкой дома в гостиную, Аделина в изумлении остановилась перед картиной, висевшей на темной стене холла. На других картинах были изображены мужчины в охотничьих костюмах, бархатных придворных нарядах или в доспехах. Но на этом портрете оказалась девочка лет восьми, с личиком, похожим на цветок, обрамленным венчиком каштановых волос. – Это же я! – воскликнула Аделина громким голосом. – Что я здесь делаю, интересно знать, Бидди Корт?

Бидди Корт смущенно помедлила, а затем произнесла:

– Это Корри. Твой отец задолжал ему и в уплату отдал этот портрет. Это вовсе не покрыло долг, отнюдь. Пойдем же, Аделина, пойдем! Здесь ужасный сквозняк.

Но Аделина стояла как вкопанная. Она схватила горевшую свечу, которая стояла на сундуке, и поднесла ее к картине, чтобы осветить личико.

– Как я была прекрасна! – воскликнула она. – Какое же красивое у меня было лицо! Позор моему отцу, что он отдал такое сокровище Корри Кортю. Этого хватит, чтобы я выплакала свои глаза.

Она яростно повернулась к кухне:

– Каков был долг?

– Я не знаю, – ответила Бриджит. – Знаю только, что портрет стоил вдвое больше.

– Тогда это, должно быть, целое состояние, потому что портрет писал один из величайших ныне живущих художников.

– Пожалуйста, забирай картину, – предложила Бриджит. – Если только ты оплатишь долг.

– Я не буду платить никаких долгов, кроме собственных. Но как же я хочу эту картину! Вот бы взять эту чудесную вещь с собой в Канаду и повесить рядом с моим новым портретом, тем, о котором я тебе рассказывала.

– Полагаю, ты собираешься заказывать свои портреты до ста лет. Ах, как бы мне хотелось взглянуть на *последний* портрет. Ты же станешь писаной красавицей, Аделина.

– Я не исчезну с лица Земли, а это больше, чем станешь ты!

Все еще с зажженной свечой в руке Аделина пронеслась через холл и распахнула двери в столовой. Четверо мужчин негромко беседовали, камин отбрасывал на них мирные отблески пламени, спокойно горели свечи.

– О, какой же ты фальшивый отец! – воскликнула Аделина, не своя с Ренни Корта взгляда. – Отдать портрет собственного ребенка за ничтожный долг, не стоящий и позолоченной рамы! Я шла по холлу в неведении и вдруг увидела висящий на стене портрет, который едва не кричит от стыда, что там находится. О, я хорошо помню, как мать возила меня в Дублин, чтобы его написали, и как великий художник дарил мне цветы и сладости, чтобы меня развлечь, а бабушка подарила мне прелестное маленькое коралловое ожерелье. Ах, дедушка, ты знал, что мой отец так сделал?

– Девочка сошла с ума? – спросил лорд Киликегган, повернувшись к зятю.

– Нет, нет, она не в настроении. – Ренни повернулся к Аделине и сурово сказал ей: – Ну же, хватит об этом! Картина того не стоит.

– Не стоит! – воскликнула она. – Немного же ты знаешь о ее ценности! Когда я назвала лондонскому художнику имя того великого человека, который написал меня в детстве, он сказал, что с удовольствием проделал бы путь до графства Мит, чтобы взглянуть на этот портрет.

– А как зовут великого художника, Аделина? – внезапно спросил Корриган Корт.

Ее рот приоткрылся. Она прижала пальцы к бровям и задумалась, а затем печально сказала:

– Вылетело из головы, Корри. Вот только что, минуту назад, помнила... – Просияв, она повернулась к мужу: – Я же много раз называла тебе его имя, правда, Филипп?

– Да, – твердо ответил Филипп. – Много раз.

– И ты тоже его забыл? – переспросил Корриган.

– Да. Ускользнуло из памяти. – Филипп слишком много выпил, и его честное лицо покраснелось.

– Один взгляд на портрет, даже издали, и я вспомню, – сказала Аделина.

Она повернулась и снова вышла в холл. Четверо мужчин поднялись и отправились следом. Примерно в десяти шагах от картины она остановилась и устремила взгляд в ее правый нижний угол. У нее было превосходное зрение.

– Я не могу прочитать имя отсюда, да? – спросила она.

– Нет, – ответил Корриган. – Даже если ты уткнешься в картину носом, ты не увидишь никакой подписи, потому что либо художник не счел нужным ее подписать, либо стыдился своего имени.

Она едва не швырнула канделябр ему в голову.

– Ты сам замазал его имя, Корри Корт! – закричала она. – Ты закрасил его, чтобы скрыть его огромную ценность! Ты знал, что, если какой-нибудь знаток увидит его, он расскажет моему отцу, что ты заключил с ним нечестную сделку!

Ренни Корт бросил подозрительный взгляд на кузена Корригана. Затем взял свечу из рук Аделины и, поднеся близко к портрету, изучил два нижних угла.

– Здесь есть странная маленькая капля, – сказал он.

– Да! – воскликнула Аделина. – Именно здесь и была подпись! С такой миленькой маленькой завитушкой. О, сейчас я вспомню его имя.

– Портрет никогда не был подписан, – сказал Корри Корт. – И ты знаешь, что он не был подписан. Это красивая картина, мне она всегда нравилась, и когда твой отец предложил ее мне, я взял. Я прекрасно знал, что это все, что я мог получить в счет долга.

– Ах, отец, как ты мог?! – В глазах Аделины сверкнули слезы. – Я ничего так не хочу, как эту картину. И я собиралась попросить ее у тебя, как еще один маленький свадебный подарок, потому что ты сам признался мне в письме, которое написал в Индию, что смог подарить не так уж много.

– Не так уж много! – вскричал Ренни Корт. – Да я все еще весь в долгах за твое приданое! Если тебе так нужна эта картина – у тебя есть деньги, оставленные двоюродной бабушкой, – купи ее.

– Я с ней не расстанусь, – сказал Корри.

Аделина повернулась к нему с обворожительной улыбкой.

– Ты все любишь меня, Корри, дорогой, да?

Они обменялись взглядами. Корриган покраснел. Аделина смотрела на него с ласковой жалостью.

– Можешь оставить картину у себя, милый Корри, – сказала она. – Мне будет приятно думать, что тебе и Бидди останется напоминание обо мне.

– Вряд ли я тебя забуду, – мрачно вмешалась Бриджит. – Где бы ты ни была, от тебя одни неприятности.

– Ну-ну, девочки, – вставил лорд Киликегган. – Не ссорьтесь. Не портите свои красивые личики хмурыми взглядами.

Бриджит знала, что она некрасива, но сказанное оказалось ей приятно. Она вытянула шею и вызывающе посмотрела на Аделину.

– Ну, – сказала она. – Пойдем в гостиную.

Аделина схватила деда за руку.

– Не оставляй меня наедине с Бриджит, – взмолилась она. – Я ее боюсь.

– Веди себя прилично, – сказал он и слегка шлепнул ее по руке, но позволил отвести себя в гостиную.

Корри был несколько удручен перспективой неминуемого скандала с женой. Филипп пребывал в состоянии благодушного умиротворения. Он уселся в удобное кресло и принял понюшку из табакерки, украшенной драгоценностями, которую протянул старый маркиз. Аделина расправила мерцающие оборки своего кринолина и обольстительно посмотрела на деда.

– Какая чудесная коробочка! – произнесла она.

Что же, она была его самой красивой внучкой и уезжала в дальние края. Он вложил табакерку ей в руку.

– Возьми, – сказал он. – И когда индейский вождь предложит тебе трубку мира, в ответ можешь дать ему понюшку табаку.

Никто не смог бы быть более бескорыстно-очаровательным, чем Аделина в оставшейся части визита. Но между ней и Бриджит возникла напряженность. На следующее утро они вполне были готовы расстаться. У дверей ждал фургон для сундуков Аделины, так как она никогда никуда не выезжала без множества вещей. Аделина стояла в холле, высокая и стройная, в темно-зеленом костюме для верховой езды. Ее волосы были искусно заплетены, на прическу водружена маленькая шляпка с темным пером, свисавшим на молочную белизну ее щеки. Яркие губы приоткрылись в ласковой улыбке.

– Какой был чудесный визит! – воскликнула она, обнимая Бриджит. – Благодарю тебя, дорогая кузина, за все, что вы для нас сделали. Когда мы с Филиппом обоснуемся в новом доме, вы с Корри должны приехать к нам в гости и провести с нами год, потому что, право, и года не хватит, чтобы отплатить за вашу доброту!

Бриджит была ниже. Когда они обнялись, она почти ничего не видела из-за плеча Аделины. Вытаращенными из-за пылких объятий глазами она уставилась на пустое место на стене. Когда Бриджит осознала, что пропал детский портрет Аделины, она с криком, переходившим в вопль, принялась отчаянно высвобождаться из объятий. Почувствовав бурю, Аделина прижала ее к себе еще крепче.

– Пусти меня! – визжала Бриджит в ярости. – Пусти меня!

Мужчины в ужасе уставились на них.

– Ради всего святого, что происходит? – потребовал разъяснений Ренни Корт.

– Он отдал ей картину! – вскричала Бриджит.

– Какую картину?

– Портрет Аделины! Корри отдал его ей. Он исчез.

Все разом посмотрели на стену. Корриган побледнел.

– Я этого не делал, – заявил он. – Если портрет исчез, значит, это она его взяла.

Аделина была вынуждена освободить Бриджит, которая набросилась на нее с гневными обвинениями.

– Ты его взяла! – заявила она. – Он в одном из твоих чемоданов. Питер! – крикнула она слуге. – Выгрузи чемоданы из фургона.

– Оставь их в покое, – сказала Аделина и спокойно повернулась к кузнам: – Я действительно взяла картину, – продолжила она. – Но я всего лишь взяла то, что принадлежало мне, поэтому давайте не суетиться.

Питер стоял с багажом в руках, не зная, то ли поставить его на землю, то ли вернуть в фургон.

– Послушайте, – сказал Филипп. – Я готов купить эту картину, если Аделина так сильно желает ее иметь.

– А я готов продать, – проговорил Корриган.

– А я нет! – закричала его жена. – Я требую, чтобы вы распаковали чемоданы и повесили картину обратно на стену!

Она сбежала по лестнице, взялась за угол чемодана, все еще оставшийся в руках Питера, и потянула ремень, которым он был обвязан.

Аделина слетела за ней. Завязалась борьба за чемодан. Аделина была сильнее, но Бриджит находилась вне себя от ярости. Протянув руку, она схватила одну из аккуратных кос Аделины и растрепала ее.

– Нет, нет! Не надо! – воскликнул Филипп, в свою очередь сбегая по лестнице. – Я этого не потерплю. – Одной рукой он схватил Бриджит за запястье, а другой – старался заставить Аделину отпустить чемодан.

Ренни Корт смотрел на все это и смеялся.

– Будь добр, обуздай свою жену, – попросил Филипп Корригана.

– Не смей меня и пальцем тронуть, Корри Корт! – закричала Бриджит.

Он осторожно встал между ней и Аделиной.

– Больше мы этого не потерпим, – сурово обратился Филипп к Аделине. – Скажи мне, в каком чемодане картина.

Дрожащей рукой она указала на чемодан, который держал Питер.

– Поставь, – приказал ему Филипп. Тот так и сделал.

Филипп открыл чемодан – поверх остальных вещей лежала картина. Он вынул ее и передал Корригану.

Из рамы с невинным удивлением выглянуло детское личико. Корриган с чрезвычайно мрачным видом перевел взгляд с него на Аделину и обратно.

Ренни Корт кинул пронзительный взгляд в чемодан.

– Вы когда-нибудь видели подобную роскошь! – воскликнул он. – Стоит ли удивляться, что она оставила меня банкротом. Посмотрите на золотые туалетные принадлежности, на соболиное манто. А вот и табакерка моего тестя! Будь я проклят, она прибрала и ее!

– Он ее подарил, – коротко ответил Филипп.

Он с окаменевшим лицом опустил крышку чемодана и застегнул ремень. Затем повернулся к Аделине, стоявшей как статуя, со стеклом в руке.

– Пойдем, – сказал Филипп. – Ты плохо поступила, взяв картину, но я должен сказать, что, по-моему, миссис Корт обошлась с тобой очень скверно.

– Прощай, Корри, – сказала Аделина со слезами на глазах. – И да утешит тебя Господь в браке, ибо твоя жена – мегера, каких свет не видывал!

Грациозным движением она повернулась к лошади. Филипп помог ей усесться на седло, ее отец вскочил на свою лошадь. Они обменялись неловкими прощаниями. Затем Аделина обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на Бриджит.

– Прощай, Бидди Корт! – крикнула она. – Ты еще пожалеешь, что так обошлась со мной! Чтoб тебе пусто было, Бидди! Пусть северный ветер дует тебе с юга, а восточный – с запада, до тех пор, пока не снесет тебя туда, где тебе и место.

Она взмахнула стеклом и ускакала прочь, перекинув через плечо длинную каштановую косу.

Старый Питер, громыхая сзади багажом, воскликнул:

– Эх, это была неприличная выходка, а она не виновата, как и в тот день, когда ее нарисовал художник.

Это был не последний их визит. Они посетили дом женатого брата Аделины. Они останавливались у самого старого маркиза, но ничто из того, что они видели и делали, не ослабляло их стремления к Новому Свету.

Пришел день, когда все приготовления к их отплытию на запад были завершены.

Филипп взял билеты на парусное судно, так как полагал, что оно быстрее и чище парохода. Родители Аделины и маленький Тимоти пришли в порт проводить их.

Пэтси О'Флинн, кучер, принял решение сопровождать Аделину в Канаду. Он был холост и всю свою жизнь провел на одном месте и сейчас жаждал приключений. Кроме того, имевшееся в нем что-то рыцарское побуждало прибавить к свите Аделины еще одного защитника, так как в ее младших братьях защитников он не видел. К тому же Пэтси был убежден, что они едут в нецивилизованную страну, где возле каждого поселения рыщут дикие звери и индейцы.

Пэтси, ожидавший их на пристани, представлял собой необычайную фигуру. Несмотря на то что утро было теплым и ясным, он надел толстое пальто, так как считал, что таким образом его лучше всего перевозить. Другие котомки и узлы, от огромного, зашитого в парусину, до маленького, перевязанного красным платком, громоздились на его плечах. Его небольшое забавное лицо светилось довольством, казалось, он единственный из всех пассажиров знает, какие трудности им предстоят и как с ними справиться.

В одной руке он держал отполированный терновый посох, тяжелый, грозного вида. С другой руки свисала клетка с попугаем, в которой разноцветный обитатель развлекался, перебираясь с одной жердочки на другую или висел вниз головой и хлопал крыльями в возбуждении. Временами он изливал поток слов на хинди. Иногда же он издавал череду пронзительных криков. Попугай привлек толпу оборванных грязных детей, которые вопили, когда он вопил, и подпрыгивали от восторга. Когда они подходили слишком близко, Пэтси замахивался посохом и отгонял прочь, крича на них по-гэльски.

Няне Пэтси нравился. Она стояла рядом с ним, ее драпировки изящно развевались на ветру, на руках она держала свою маленькую подопечную. Проживание в Ирландии пошло Августе на пользу. Ее щеки округлились, и она стала не такой бледной. Девочка сидела у няни на руках, изумленно глядя на происходящее, но, когда ее взгляд останавливался на Пэтси, в радостной улыбке показывала свои белые зубки. Пока она находилась в Ирландии, ее кормили молоком только от одной козы, и эту козу взяли с собой в Канаду, чтобы из-за смены молока у нее не нарушилось пищеварение. Коза, которую держал за поводок вихрастый мальчишка, стояла неподвижно, наблюдая за окружающим с невозмутимостью и даже с некоторым цинизмом. Козочку звали Мэгги. Леди Гонория повязала ей на шею небольшой колокольчик, и превратности путешествия подчеркивались его серебристым звоном.

Мать тщательно одела юных дядюшек Августы для новой жизни. Но, по мнению Филиппа, их одежда была слишком живописной, волосы – слишком длинными, а руки – белыми. Конвей, тот, что напоминал Филиппу бубнового валета, выглядел особенно щеголевато. Братья Корт сновали повсюду, отдавая шуточные приказы морякам, загружавшим на борт ящики с курами, гусями и утками, подгонявшим свиней, тянувшим овец и коров.

Группа бедных эмигрантов охраняла свой багаж, со слезами на глазах цепляясь за последние мгновения, проведенные с родными, пришедшими их проводить. Среди них был священник, всеми силами пытавшийся поддержать их дух: обводил небеса своими большими серыми глазами и предсказывал благоприятное путешествие. Он явился туда, чтобы посадить на судно двух своих молодых племянниц, направлявшихся к брату, и избегал встречаться с ними взглядом.

Аделина отвлеклась от рыдающих людей и, вложив свою ладонь в ладонь Филиппа, сжала его пальцы. Он посмотрел ей в глаза.

– Ты уверена, что ничего не оставила?

– Ничего. Даже своего сердца!

– Что ж, весьма разумно с твоей стороны, иначе мне пришлось бы возвращаться за забытым.

Вскоре к ней подошел священник.

– Простите, миледи, – сказал он. Он слышал, как таким образом обращалась к ее матери, и решил, что использовать титул уместно и в этом случае.

– Да? – ответила она не без удовольствия.

– Я хотел бы попросить вас об одолжении, – продолжил он. – На корабле поплывут две мои юные племянницы, и им предстоит ужасно длинное и опасное путешествие. Не будете ли вы так добры произнести им слова ободрения, если они вдруг окажутся больны или в беде. Если бы я мог передать сообщение о вашем участии их бедной матери, то, разумеется, осушил бы ее слезы скорби. Как вы думаете, сможете?

– Конечно, – ответила Аделина. – И, если вы мне оставите свой адрес, я напишу вам и расскажу о путешествии и о том, как поживают ваши племянницы.

Священник написал свой адрес на мятом клочке бумаги и, преисполненный благодарности, вернулся к наставлению двух розовощеких черноволосых девушек, чьи юные груди, казалось, разрывало от восторга.

Неразбериха, казалось, была безнадежной. Крики животных и птиц, ругань, хлопанье, стук и топот матросов во время погрузки багажа, приказы офицеров, которые, казалось, никто не выполняет, вопли возбужденных мальчишек, трепетание и хлопанье огромных парусов судна – все сплеталось в фантастический гобелен прощания, который всегда будет висеть на стенах памяти.

Время пришло. Аделина этого боялась, но, когда момент наступил, она уже почти ничего не чувствовала. Ей хотелось, чтобы лицо матери не было мокрым от слез. Жаль было запомнить ее такой.

– Мама, дорогая, я вернусь! Мы все вернемся! Я буду хорошо заботиться о мальчишках. До свидания! До свидания, отец! Обязательно напишу. Прощай... Прощай...

Она утонула в их объятиях. Она чувствовала себя так, словно ее разрывали на части. Но вскоре Филипп обнял ее и повел плакать на корабль.

III. Первое путешествие

Барк «Аланна», бывшая собственность Ост-Индской компании, следовал в Квебек, откуда должен был вернуться с грузом белой сосны. Капитаном его был коренастый йоркширец по имени Брэдли, первым помощником – высокий тощий шотландец с огромным ртом по имени Григг. Пассажиров было немного, и семья Уайток держалась несколько отчужденно, так как путешествие предстояло долгое и существовала возможность завязать слишком близкие отношения с неподходящим обществом. Филипп и Аделина удобно устроились в тесной каюте. Филипп самым аккуратным образом разложил их имущество. Аделина, укутанная в плед, устроилась в укромном уголке на палубе, чтобы почитать роман «Пенденнис»⁶, о котором все говорили. Августа и ее няня расположились рядом. Малышка прижимала к себе свою первую куклу – элегантное одетое восковое создание, туго затянутое в корсет, в платье и шляпке из клетчатой тафты. Конвей и Шолто исследовали корабль, а Пэтси с козой устроились, как смогли, в далекой от комфорта каюте. Дул встречный ветер, и парусник продвигался очень медленно, хотя на мачтах надувались его огромные паруса, и казалось, это сама душа корабля выказывает свое стремление к западу.

Кроме семьи Уайток в салоне насчитывалось менее дюжины пассажиров. Подружились они только с пятью. Это были два ирландских джентльмена, хорошо образованные, но с сильным акцентом, которых звали Д'Арси и Brent. Они путешествовали для развлечения и были намерены совершить длительное турне по Соединенным Штатам. Помимо них Уайтоки подружились с миссис Камерон из Монреаля и ее хрупкой пятнадцатилетней дочерью. Они проделали долгий путь до Китая, чтобы встретиться с отцом девочки, который ранее был послан туда на важный пост, связанный с торговлей между двумя странами. Но когда они приехали, выяснилось, что его свела в могилу эпидемия холеры. И сейчас мать и дочь тем же долгим утомительным путем возвращались в Монреаль. Миссис Камерон и маленькая Мэри сидели, прижавшись друг к другу, укутавшись в одну шаль, и смотрели на далекий горизонт, как будто в глубине души уже не чаяли, что их путешествие когда-нибудь окончится, им казалось, что так и придется переходить с корабля на корабль, от моря к морю – до скончания века. Девушка уже действительно приобрела странную внешность уроженки моря, как представляла ее себе Аделина. Плащ и шляпка выцвели до седины зимних волн, волосы свисали к плечам как прямые желтоватые водоросли, широко открытые светлые глаза невидяще смотрели, лицо и руки покрылись плотным загаром. И только рот сохранил яркость, и между губ, всегда приоткрытых, сияли, словно жемчужины, мелкие зубы. Из-за горя и усталости ее мать превратилась в элемент защиты Мэри.

– Почему бы ей не предпринять что-нибудь, чтобы порадовать ребенка, а не хлопотать вокруг нее, словно растерянная курица! – на второй день воскликнула Аделина. – Право же, Филипп, меня ужасно раздражает эта женщина. Скажу братьям, чтобы они подружились с Мэри. Для юной девушки так выглядеть неестественно.

Так она и сделала. Но прежде чем мальчикам удалось уговорить Мэри отойти от матери, прошло несколько дней. Миссис Камерон и вправду не желала выпускать дочь из виду. Когда Мэри наконец отправилась прогуляться по наклонной палубе, поддерживаемая с каждой стороны Конвеем и Шолто, она казалась скорее встревоженной, чем довольной. Они составляли необычное трио: мальчики в их элегантной новой одежде и девочка в запятнанном дорожном платье; юноши с горящими глазами, интересующиеся всем, что происходит вокруг, и девочка, казалось, погруженная в сон; мальчишки беспрестанно подтрунивали над ней, она же переводила взгляд с одного лица на другое и, похоже, не понимала, о чем они говорят.

⁶ «Пенденнис» (1850) – роман Уильяма Теккерея.

Еще один пассажир, с которым подружились Уайтоки, был англичанин, мистер Уилмот; как и они, он собирался обосноваться в Канаде. Это был высокий, худой, ладно скроенный человек с резкими чертами лица и короткими бакенбардами. Он был сдержан, говоря о себе, но свободно говорил о политике. Он и оба ирландца вскоре стали для других развлечением, ведя беззлобные споры. Мистер Уилмот был ироничен, блистал остроумием, ирландцы веселы и способны на самые неожиданные преувеличения.

Мысли Аделины были заняты желанием свести мистера Уилмота и миссис Камерон. Им, двоим одиноким людям (мистер Уилмот временами казался мрачным), не помешало бы соединить свои жизни. И каким защитником, каким отцом он мог бы стать для маленькой Мэри. Она чувствовала, что миссис Камерон скорее грустит из-за утраты мужа, чем убита горем. Она совершенно помешалась на ребенке. «Как женщина может предпочесть быть матерью, а не супругой?» – думала Аделина, восхищаясь силой и красотой Филиппа. Не она. Только не она! Для нее муж всегда останется превыше всего. Она презирала женщин с сильно развитым чувством материнства.

Неделю они плыли при ясной погоде. Затем усилился встречный ветер; корабль боролся с ним и с высокими зелеными волнами, которые обрушивались на нос, окутывая его брызгами. Оставаться на палубе стало уже невозможно. Пассажиры были вынуждены проводить много часов внизу, где царил не только духота, но и запахи и шумы, доносившиеся из общей каюты. Няня заболела морской болезнью, и Аделина взяла на себя заботу о ребенке. Миссис Камерон и Мэри обожали маленькую Августу и брали на себя большую часть хлопот. Но ночью малышка вела себя беспокойно, и Аделина с Филиппом не высыпались.

Как-то ненастным вечером они собрались разойтись по койкам пораньше, и вдруг в дверь постучали и раздался голос Конвея:

– Филипп, утечка!

– Что? – крикнул Филипп, продолжавший расстегивать жилет.

– В обшивке трещина. Льет вода.

Наверху послышались тяжелый топот и крики офицеров.

Аделина побледнела. На ее руках тихо похныкивал ребенок.

– Корабль тонет? – спросила она.

– Конечно, нет. Не волнуйся, – ответил Филипп и распахнул дверь.

Конвей стоял в коридоре, держась за медные поручни, протянутые по стенам. На нем был яркий халат, и, даже несмотря на волнуемый момент, Филипп заметил, как тот усиливает сходство Конвея с бубновым валетом.

– Они спускают паруса! – закричал Конвей, но его голос прозвучал не громче шепота. – Ужасный шторм.

Брат, зеленый от морской болезни, стоял за его спиной, вцепившись в поручень. Аделина сказала:

– Заходи и ложись на мою койку, Шолто. Ты должен остаться с ребенком, пока мы ходим к капитану.

Мальчик послушно ввалился в каюту и упал на койку.

– О, как же мне плохо! – простонал он.

Аделина положила девочку рядом с ним.

– Тебе не нужно идти, Аделина! – крикнул Филипп.

В ее глазах вспыхнуло возмущение. Она схватила его за руку.

– Я пойду! – крикнула она в ответ.

Судно накренилось так, что все, пошатнувшись, отлетели в угол каюты. В дверях появилась миссис Камерон. Голова ее была укутана шалью, она прижимала к себе Мэри, словно решила не расставаться с ней до конца. Но говорила она спокойно.

– Что случилось? – спросила она.

– Всего лишь течь, мэм. Мы идем к капитану. – Тон Филиппа и само его присутствие действовали успокаивающе.

– Мы тоже пойдем. – Они поняли, что она сказала, по губам, потому что ничего не слышали.

Цепляясь за поручни и друг за друга, Филипп и Аделина добрались до трапа на верхнюю палубу. Они увидели капитана и первого помощника, наблюдавших за спуском парусов. Огромные полотнища громко били, опускаясь к палубе. Мачты внезапно показались очень хрупкими, а судно – уязвимым. Ветер дул с ужасной силой, зеленые стены волн вздымались, затем обрушивались на борт качавшегося парусника. Раньше Аделина уже видела штормы, тропические, но тогда и корабль был больше, а его экипаж многочисленнее. В этом шторме было какое-то одиночество. Горстка людей казалась беспомощной, а ветер – пронизывающе-холодным. Однако капитан оставался невозмутимым.

– Это всего лишь шквал, – сказал он с сильным йоркширским акцентом. – Я много раз обходил мыс, и это всего лишь сильный порыв ветра. Поэтому вам лучше вернуться на койку, леди, и ни о чем не беспокоиться.

Сквозь звуки бури доносились сбивчивые крики и топот по трапу. Снизу высыпали пассажиры третьего класса, грубые, испуганные, с дикими взорами.

Капитан Брэдли подошел к ним.

– Что это значит? – строго спросил он.

Второй помощник капитана прокричал в ответ:

– Я не могу удержать их там, сэр! Снизу заливает вода.

Капитан помрачнел. Он пробился сквозь толпу, приказал спуститься за ним, что пассажиры и сделали в большом замешательстве.

Аделина услышала его крик: «Все к помпам!»

Филипп похлопал ее по спине. Он улыбался. Она храбро улыбнулась ему в ответ. Он повысил голос и сказал:

– Шквал проходит, все будет хорошо.

– Возьми миссис Камерон за руку, – сказала Аделина. – Она чуть не падает.

Мэри Камерон отошла от матери. Ее поддерживал Конвей Корт. Оба они не казались испуганными, их лица выражали бледное подобие веселья. Филипп помог миссис Камерон вернуться в каюту. Ветер стих. Но в море еще вздымались огромные волны, и ветер был все еще силен настолько, чтобы порвать штормовые паруса. В хаосе волн «Аланна» лежала почти на боку. Теперь, словно стена, надвигался ливень, казалось, смыкаясь с волнами в попытке утопить всех, кто был на борту.

Но капитан Брэдли не унывал. Он разгуливал по судну с покрасневшим лицом и весело отдавал команды. Качавшиеся фонари еле освещали бурную деятельность. Моряки гремели парусами и подтягивали их к носу корабля, отчаянно пытаясь остановить течь. Аделина понимала, что если она спустится вниз, то придет в отчаяние от страха. Здесь, в гуще событий, она чувствовала себя по храбрости равной Филиппу. Она притянула Мэри Камерон и Конвея к себе, и все втроем объединились в ожидании возвращения Филиппа.

– Я дал ей немного коньяка, – сообщил он, вернувшись. – Ей это было необходимо, бедная леди, она чуть не замерзла. – Он повернулся к девушке: – Отвести вас к матери, Мэри?

– Она об этом просила? – Голос Мэри прозвучал слегка обиженно.

– Нет, думаю, что она заснет. Вероятно, вам лучше остаться с нами. – Конвей Корт громко рассмеялся.

– Мэри же, наоборот, уплыла в канарский порт! – пропел он.

Филипп нахмурился, но Аделина тоже рассмеялась, а Мэри одарила Конвея восторженным взглядом.

К ним зашел мистер Уилмот.

– Офицеры не беспокоятся, – рассказал он. – Но течь, похоже, сильная. Четыре помпы работают как дьяволы. Мистер Д’Арси и мистер Брент помогают матросам, и я готов помочь, если понадобится.

Наступившим утром в трюме было уже пять футов воды. Помпы качали вовсю, и капитан сообщил, что ситуация под контролем. Стюардесса принесла Аделине завтрак в каюту. Она переоделась в сухое, но не заснула. В крошечном помещении царил беспорядок, ее мокрая одежда, вещи Филиппа и дочери были разбросаны как попало, и это удручало. Аделина чувствовала себя скорее в водовороте смятения, чем страха. Но горячий чай и хлеб с беконом вернули ее к жизни. Она уселась на край койки и расчесала волосы. Через иллюминатор проник слабый солнечный луч. Она заметила яркую красоту своих волос. «Они выглядели бы так же, даже если бы я тонула», – подумала она слегка обиженно.

В серебряное зеркало дорожного несессера она увидела, как побледнело ее лицо. Она покусала губы, чтобы хоть отчасти вернуть им яркость.

– Когда, по-вашему, мы прибудем в Ньюфаундленд? – спросила она шотландскую стюардессу.

– Мы доберемся туда как раз вовремя.

– А как далеко мы сейчас от Ирландии?

– Примерно в шестистах милях.

– Как сейчас себя чувствует миссис Камерон?

– Ах, падает от утомления.

– А ее дочь?

– Быстро уснула. Как ваш ребенок, бедная маленькая овечка! – Она бросила укоризненный взгляд на Аделину.

– Мой брат очень хорошо присматривал за ребенком прошлой ночью, – сказала Аделина высокомерно, потому что всю ночь маленькой Августе не нашлось места в ее мыслях. – Говорите, быстро уснула? Она с няней?

– С тем, что от няни осталось – эта женщина скорее мертва, чем жива. – Стюардесса стояла, балансируя подносом в противовес качке.

– Боже милостивый! – воскликнула Аделина. – Что за жалкая компания.

Она прошла по коридору к каюте няни и заглянула внутрь. В тусклом солнечном свете индианка и младенец выглядели одинаково слабыми и крошечными, но мирно спали. Аделина позвала стюардессу.

– Уберите тазик, – приказала она тихо, но сердито. – Приведите все в порядок, но не шумите.

Аделина отправилась в каюту миссис Камерон. Там было чисто, но бедная женщина лежала на койке, измученная очередным приступом морской болезни. Мэри сидела перед крошечным туалетным столиком, зачарованно глядя на себя в зеркало. Она не заметила, как отворилась дверь, и продолжала пристально вглядываться в отражение, а судно качало, и с каждым креном дверца шкафа то распахивалась настежь, то с грохотом захлопывалась. Аделина расмеялась.

– Ну и что ты о себе думаешь? – спросила она.

– О, миссис Уайток, – отозвалась Мэри. – Я хорошенькая-прехорошенькая! Я путешествовала почти по всему миру и до сих пор об этом не знала.

– Да уж, – заметила Аделина. – Странное время для открытия. Но если тебя это утешит, я рада, что ты так думаешь. Могу ли я чем-нибудь помочь твоей матери?

– Она говорит, что ей несколько лучше. Она всего лишь хочет покоя.

– Ты хоть немного поспала?

– Да, немножко. Я не устала.

– Ты лучшая путешественница, чем я. Тебе принесли завтрак?

- Стюардесса очень добрая. Как и ваш брат. Он тоже такой смелый!
- Что ж, я рада слышать. Я теперь пойду посмотрю, как дела у мальчиков.
- Можно мне пойти с вами?
- Оставайся с матерью.

Шолто уже оправился от морской болезни. Он потягивал кофе и ел жесткое печенье, но был очень бледен. Конвей переодевался в сухую одежду.

– О, Аделина! – воскликнул Шолто. – Лучше бы мы никогда не отправлялись в это плавание. Скорее всего, мы пойдем ко дну. Ах, как бы мне хотелось вернуться в Ирландию к маме, папе, Тимоти и всем остальным!

– Чепуха, – сказала Аделина, садясь на край койки. – Через несколько дней ты будешь над этим смеяться. Вот, ешь свое печенье.

Она взяла из его руки печенье, отломала кусочек и положила ему в рот. Мальчик расслабился, и она накормила его остатками печенья, словно младенца.

Затем она повернулась к Конвею и попросила:

– Пойди поищи Филиппа и скажи ему, что он мне нужен. Просто скажи, что я должна его видеть и это очень важно.

– Зачем он тебе нужен?

Она бросила на него повелительный взгляд:

– Делай, что тебе сказано, Кон.

– Очень хорошо. Но он, скорее всего, не придет.

Конвей так тщательно повязал галстук, как будто собирался нанести визит.

– Ну, ты и щеголь! – ахнула Аделина. – Подумать только, возишься со своим галстуком, а мы скоро окажемся на дне!

Шолто уткнулся в подушку.

– Ты же сказала, что все хорошо. Ты же сказала, что мы будем смеяться над этим! – всхлипывал он.

– Добилась своего! – вскрикнул Конвей.

Он открыл дверь и вышел в коридор, но из-за качки дверь за ним никак не закрывалась. Аделине пришлось пойти и навалиться на нее всем весом.

Она вернулась к Шолто.

– Ты же знаешь, я пошутила, – успокоила она его. – Если бы я думала, что мы идем ко дну, разве я выглядела бы такой веселой?

– Ты не выглядишь веселой. Ты выглядишь странно и дико.

Она положила голову на подушку рядом с ним.

– Я выгляжу странно, – сказала она, – потому что думаю, что Кон заигрывает с малюткой Камерон. Поэтому я его и отослала, – чтобы расспросить тебя, Шолто: он говорил ей, что она хорошенькая? Он что, заигрывал с ней?

Зеленые глаза Шолто ярко сверкали.

– Именно так! Мы никогда не остаемся наедине, но он способен на все. «О, да ты прелесть, – сказал он. – О, какие длинные светлые ресницы. Подойди ближе и коснись ими моей щеки!»

– А что она сделала?

– Она коснулась. А он положил ей руку на грудь.

– И она не возражала?

– Нет. Она выгнула шею, словно кобылица, которую поглаживают. И глаза у нее округлились, как у кобылицы. Но она невинна, а Конвей нет. Он мог бы кое-что рассказать мальчишкам из английской школы.

Аделина хмуро сдвинула брови.

– Я скажу матери Мэри, чтобы она держала ее подальше от этого негодяя.

- Ну, если корабль идет ко дну, Аделина, они вполне могли бы наслаждаться жизнью.
- Корабль не идет ко дну!

Открылась дверь, цепляясь за нее, внутрь заглянул Конвей и сказал:

- Филипп пошел в вашу каюту, он мокрый, какмышь.
- Кон, входи и закрой за собой дверь.

Он закрыл дверь и встал перед ней, бледный и улыбающийся.

– А теперь, – сказала она, – больше никаких шалостей с Мэри Камерон! Если я об этом услышу, скажу Филиппу, и он так тебя встряхнет, что у тебя зубы застучат. Тебе должно быть стыдно – кружить голову ребенку!

- Что тебе наговорил этот врунишка? – спросил он, холодно смотря на брата.

– Мне не потребовалось узнавать это от него, – сказала Аделина. – Она сама мне сказала, что только сейчас выяснила, что она хорошенькая, и я наблюдала за тобой. Все, хватит об этом!

Он постарался открыть дверь и высокомерно выйти, но внезапный крен судна швырнул всех в один угол. На мгновение они вцепились друг в друга, затем она произнесла, крепко прижимая брата к себе:

- Ты будешь хорошо себя вести, правда, Кон, милый?
- Да, обещаю тебе.

Он проводил ее, а затем, склонившись над братом, нанес тому с полдюжины ударов, каждый сильнее предыдущего. Как ни странно, вместо того, чтобы вернуть болезнь, удары оказали оздоравливающее действие, так что уже через полчаса братья снова стояли на палубе и наблюдали за матросами, поднимающими паруса, вновь пренебрегали опасностью, радуясь жизни, поскольку вышло яркое солнце и пенные волны терзали корабль уже менее жестоко.

Увидев Мэри, они отвернулись от нее. Мэри, в свою очередь, казалось, была занята собственными мыслями. Мать держала ее при себе.

Аделина обнаружила, что Филипп стоит посреди каюты в мокрой мятой одежде с прилипшими ко лбу волосами и ждет ее. Он отрывисто спросил:

- Зачем ты посылала за мной?
- Беспокоилась о тебе.
- Я стою и жду тебя.
- Всего несколько минут! Я была с Шолто, он болен.
- Как и все. Я изверг свой завтрак. Что ты от меня хочешь?
- Я хочу, чтобы ты переоделся в сухое.

Он повернулся к двери.

- Если это все...

Она схватила его за руку.

- Филипп, не ходи. Ты погибнешь!
- Если бы это могло убить меня, я был бы плохим солдатом.
- Но что ты можешь сделать?

– Прежде всего придать храбрости пассажирам третьего класса и восстановить порядок. Они на грани паники. Что касается тебя, то ты могла бы прибраться в каюте. Здесь бардак!

– А чего ты ждал? – закричала она. – У меня больной ребенок! У меня полумертвая няня. Мне нужно было навестить миссис Камерон! Я должна заботиться о своем младшем брате! Я очень беспокоюсь о тебе. От стюардессы никакой пользы, она только сплетничать способна. В корабле течь! А ты просишь меня прибраться в каюте!

Она гневно принялась хватать одежду и рассовывать ее по ящикам и вешалкам.

- Я не просил тебя сердиться, – сказал он.
- О, я не выхожу из себя! Я совершенно спокойна! Я в абсолютном порядке!
- Тогда почему бы тебе это не сделать?

Не успела она ответить, как попугай, который, нахохлившись, сидел на крышке раскачивавшейся клетки, почувствовав волнение Аделины, издал возмущенный вопль и стал неистово метаться по каюте. Волнение воздуха, вызванное его крыльями, только усилило общую нервозность. Попугай уселся на медный кронштейн, перевернулся вниз головой и, повиснув так, разразился потоком проклятий на хинди.

– Харамзада! – верещал он. – Харамзада! Чор! Инфлатун! Инфлатун!

– Иногда я жалею, что мы взяли с собой эту птицу, – произнес Филипп.

– Осмелюсь предположить, что да, – ответила Аделина. – Осмелюсь сказать, что ты жалеешь, что взял с собой и меня. Тогда бы кораблекрушение состоялось в самом образцовом виде. Ты можешь...

Лицо Филиппа смягчилось.

– Аделина, – сказал он. – Ты доводишь любую ситуацию до абсурда. Хватит, милая, не будем ссориться.

Он обнял ее и коснулся губами волос.

– Найди мне пару перчаток, а то я натер ладони от помпы.

Она тут же принялась о нем заботиться. Сначала поцеловала стертые ладони, затем промыла их, наложила успокаивающую мазь и повязку, нашла пару свободных перчаток. Таким образом, муж присмирел, кротко переоделся в сухую одежду и причесался. Все это время Бони висел вниз головой и комично их рассматривал.

– Мы справимся с течью, – серьезно сказал Филипп. – Только бы утих этот проклятый встречный ветер и поднялся попутный; это было бы славно.

Они держали течь под контролем, иногда выглядывало солнце, на корабле навели хоть какой-то порядок, ветер стихал. У помп организовали регулярные смены команд. Когда наступало время, из огромного рта Григга раздавался крик: «Время остановки!» Капитан казался решительным и бодрым. «Аланна» неслась сквозь бушующие волны. Казалось, судно торопится прямо в ярко-красный закат. К капитану, разговаривавшему с Филиппом и мистером Уилмотом, подбежал матрос.

– Груз сместился, – задыхаясь, произнес он.

Филипп направился туда, где Аделина с братьями нашла укромный уголок на палубе. Мальчишки устали и растянулись по обеим сторонам от нее. Голова Конвей лежала у нее на плече, голова Шолто – на коленях.

«Выглядят не лучше эмигрантов, честное слово», – подумал Филипп. Аделина подняла глаза от «Пендемоса». Его суровое выражение поразило ее.

Она выпрямилась.

– Что там еще? – спросила она.

Конвей проснулся и вскочил на ноги. Казалось, он был ошеломлен.

– Почему, Филипп, почему, Аделина... па-лу-ба, – произнес он, запинаясь. – Посмотрите на палубу!

– Да, – сказал Филипп. – Балласт сместился. Сильный крен. Капитан сказал, ничего не остается, кроме как вернуться в порт Голуэй для ремонта.

– Обрато в Голуэй для ремонта, – повторили Аделина и Конвей в один голос.

Конвей рассмеялся:

– Вот так штука! – и затряс брата за плечо: – Проснись, Шолто! Ты снова увидишь старую добрую Ирландию!

– Сколько это займет времени? – спросила Аделина.

– С попутным ветром – несколько суток.

– Мы не должны сообщать маме, что мы там. Это ее расстроит. Она обязательно поедет в Голуэй, чтобы повидать нас и снова попрощаться.

– Полностью согласен, – ответил Филипп. Он чувствовал, что вполне может обойтись без еще одной встречи с тещей.

На лице Шолто возникла странная радость.

На следующее утро ветер стих настолько, что первый помощник смог спуститься на капитанском катере за борт и осмотреть течь. Все, кто находился на палубе, с восхищением за ним следили. Он открыл рот и прокричал загадочные слова капитану, перегнувшемуся через борт. Первый помощник протянул руку и потрогал повреждение подобно хирургу, сосредоточившемуся на операции. Затем его подняли обратно. Все столпились вокруг помощника, но ему не хотелось утешать их беспокойство и только присутствие жизнерадостного капитана заставило его сказать:

– Рискну предположить, дойдет. То есть если не будет шквала. Пробоина в четырех футах над водой, если волнение не усилится. Может, и усилится, но мы будем откачивать воду.

«Аланна», с грохотом в парусах меняя курс, развернулась. Теперь, отдавшись на волю ветра, с которым сражалась столько дней, она сдалась и позволила увести себя назад в Ирландию и наполнить им каждый дюйм парусов, чтобы оказаться там как можно скорее. Но смещение балласта сделало судно неуклюжим. Никто не мог забыть, как оно начало крениться. Казалось, все на борту вдруг стали хромыми, наклоняясь в сторону при ходьбе.

И помпы должны были постоянно работать, выталкивая соленую воду, которая вытягивалась чудовищными саженями, ожидая момента, чтобы снова попасть внутрь. Ноющие спины, стертые и мозолистые руки, монотонные часы, соединявшие дни и ночи в цепь усталости и скуки. Время от времени при виде рваных облаков, способных породить шквал, скука сменялась тревогой. Из всех находившихся на борту Аделина была самой жизнерадостной. В красивых одеждах, совершенно неуместных в создавшейся ситуации, она несла уверенность и радость, где бы ни появлялась. Несмотря на все уговоры мужа, могла и дежурить у помпы. Она выучила у матросов морские песни, хотя никогда не могла воспроизвести мелодию.

Между пассажирами возникла странная близость. Казалось, они знают друг друга много лет. Лица, жесты, особенности запечатлелись в их памяти. Наконец на восьмой день на горизонте появились неясные туманные очертания Ирландии.

IV. Ремонт

Под звон церковных колоколов барк, печально накренившись, медленно входил в порт в голубом и безмятежном заливе Голуэй. Впервые за десять дней прекратился стук насосов. Барабанные перепонки всех, кто находился на борту, смогли воспринять колокольный звон и птичье пение.

Аделина стояла на носу корабля, подставив лицо легкому бризу, принесшему теплые запахи земли. Ее ноздри затрепетали, и она негромко рассмеялась. В это время подошел мистер Уилмот и ее услышал.

– Вам повезло, что способны смеяться, мисс Уайток, – сказал он. – Для меня же это самое удручающее возвращение.

– Почему? – воскликнула она. – Разве вы не рады снова почувствовать запахи земли и услышать звон колоколов?

– Не Старого Света, – с горечью ответил он. – Не этих колоколов. Никогда не думал, что окажусь здесь вновь. Я хочу в Новый Свет.

– Ну, вы достигните его, если только наберетесь терпения. Вы же могли оказаться на дне моря. Благодарю судьбу, что я осталась в живых!

– Вы – это другое дело. Вы молоды и полны надежд.

– Но и вы не старый! Это просто такое настроение. Оно пройдет.

– Конечно, пройдет. Рядом с вами я не чувствую никакого уныния.

Няня стояла рядом с малышкой на руках в светлом одеянии, развевавшемся вокруг ее истощенной фигуры. Она впервые вышла на палубу после приступа морской болезни. Кажется, она едва способна стоять, не говоря о том, чтобы держать ребенка. Но ее глаза с нависшими веками сияли радостью при виде зеленой земли, а маленькая Августа тянула руки к чайкам, кружившим вокруг корабля.

Филипп прошелся по палубе.

– Багаж готов! – сообщил он. – Я не оставлю на борту ничего ценного.

– Капитан сказал, что все будет в сохранности.

– Хм! В любом случае нам понадобятся наши вещи. Пробоину не заделать в один миг.

– Ты не видел моих братьев? – спросила Аделина. – Они собрали вещи?

– Вот Шолто, пусть сам за себя отвечает. – Филипп сурово посмотрел на мальчишку.

Шолто был нагружен своими пожитками, сваленными в кучу. Его лицо сияло от радости.

– Не могу дождаться, когда вступлю на родную землю! – воскликнул он с подчеркнuto ирландским акцентом. – Хвала Господу, скоро буду спать в подобающей постели и есть подобающую пищу.

– Где Конвей? – спросила Аделина.

– Я не могу его растолкать. Он все еще в кровати. С ним Мэри Камерон.

– Господи помилуй! – воскликнула Аделина.

Филипп кинул на обоих предупреждающий взгляд. Мистер Уилмот тактично отошел, чтобы не слышать.

– Она собирает его вещи, – продолжил Шолто. – Он сказал, что слишком устал, и глупая девочка ему поверила. Она верит всему, что он говорит ей, и делает все, что он велит.

– Я об этом позабочусь, – заявила Аделина.

Нетерпеливым шагом она быстро прошла по наклонной палубе, поспешно спустилась по трапу и прошла через узкий коридор, где большинство кают было отделено от чужих глаз только занавеской. Она стояла под дверью каюты Конвея и прислушивалась, но вокруг было столько шума и криков, что ничего не слышала. Она открыла дверь.

Конвей лежал, развалившись на койке, со счастливой улыбкой, его светлые волосы падали на лицо, а большие зеленоватые глаза следили за каждым движением Мэри Камерон, которая под его присмотром склонилась над чемоданом, тщательно упаковывая его туалетные принадлежности.

– Ну и ну! Чудное зрелище! – воскликнула Аделина. – Ах ты, ленивая свинья, Кон! Вставай-ка и сделай все сам! Мэри, тебе должно быть стыдно. Почему ты не помогаешь своей матери?

Мэри подняла вспыхнувшее лицо.

– Для матери все уже сделано, и она отдыхает до высадки на берег, – ответила она с легким вызовом.

– Тогда иди и сиди с ней. Разве тебе не известно, что нельзя оставаться наедине с молодым человеком в его каюте? Неужели ты объездила полмира и ничему не научилась?

– Мама велела мне бояться индейцев, китайцев и французов, – ответила Мэри. – Но не велела мне бояться ирландцев.

Аделина едва удержалась от смеха, но сурово продолжила:

– Значит, она ошибается, потому что они хуже всех. А сейчас беги. Если Кону понадобится помощь, я ему помогу. – И она вытолкнула Мэри из каюты.

Аделина подошла к брату, взяла его за ухо и наклонилась близко к его лицу.

– Кон, – спросила она, – ты обращался с этой девушкой дурно?

– Клянусь, я не говорил Мэри ничего такого, чего ты не слышала бы... или ее мать.

Она его отпустила.

– Слава богу! А сейчас вставай и собирай вещи.

Поднялась суматоха: с борта сходили те, кто не собирался покидать корабль до прибытия в Квебек. Они вышли со своими пожитками в руках, бледнее, чем когда отправлялись в путь. Кто-то был взволнован, кто-то несчастен, некоторые заливались слезами. Бедную домашнюю скотину выводили с корабля, некоторые животные были так слабы, что едва могли переставлять ноги. Впрочем, птица перенесла приключения легче грязного и растерянного скота. Козочка Мэгги, которую взяли для кормления Августы, была единственным исключением. Казалось, она нисколько не страдала, а стучала копытцами, позвякивая колокольчиком.

Бони тоже хорошо перенес путешествие. Он покинул судно, сидя на плече Аделины. Его клюв был открыт в подобии торжествующей улыбки, а темный язык изумлял толпу, вскоре собравшуюся вокруг Аделины.

– Лучше носить его в клетке, – заметил Филипп.

– Безусловно, да, – согласилась она. – И я бы посадила его туда прямо сейчас, но клетка далеко, у стюардессы, а нести ее тяжело.

По правде говоря, она наслаждалась впечатлением, которое они производили. Она улыбнулась толпе и кивнула, отчего та пришла в восторг.

– О, смотри, красивая леди с птицей! – крикнул кто-то. – Иди быстрее! Такого мы еще не видели.

Толпа росла. Если вид Аделины с попугаем привлекал, то няня в ее одеянии с наряженным в белое ребенком, державшим в руках красивую восковую куклу, вызвала восторженные возгласы. Двое ирландцев, Д'Арси и Brent, проталкивались сквозь толпу. Пэтси услышал о коляске, которую можно нанять, и вскоре с грохотом неся по булыжной мостовой в экипаже, запряженном дряхлой серой лошастью.

Аделина разыскала юных племянниц священника и спросила, где они остановятся на время ремонта. Девушки были обвешаны узлами и уже не выглядели столь яркими и розовощековыми, как в начале пути. В городе у них жил друг, у которого они оставят вещи, затем пройдут десять миль пешком до дома своего дяди, где и проведут ночь. А после этого отправятся

домой, чтобы встретиться с родителями. В ожидании этих перспектив они были скорее напряжены, чем счастливы.

– Уверена, последнее прощание почти убило нашу мать, – сказала старшая девушка, – а следующее будет еще хуже. Но она подумает, что с нашей стороны жестоко, если мы не вернемся повидать ее.

– Так хочется побыстрее ее увидеть! – воскликнула другая. – Ее, и папу, и всех младших. Конечно, будет чем напугать их до смерти.

– Не делайте этого, – сказала Аделина. – Скажите ей, что на корабле отвалилась одна маленькая досочка, но капитан настолько придирчив, что привез нас в Голуэй, чтобы все исправить. Скажите ей, что я присматриваю за вами и буду это делать до тех пор, пока мы не сойдем на сушу в Канаде.

– Да, миледи, – согласились они, продемонстрировав свои прекрасные зубы. – Мы передадим ей, что вы сказали. И не скажем ни одного слова, которое напугало бы ее.

Аделина посмотрела, как тащат они свои узлы прочь. Теперь она подумала о миссис Камерон и Мэри. Она вздохнула, внезапно почувствовав груз ответственности за все эти слабые создания.

Она увидела Филиппа, подсаживавшего мать и дочь в экипаж. Няня и Гасси уже сели. Он крикнул:

– Поторопись, дорогая! Уедем отсюда.

Коляска загремела по булыжной мостовой в сопровождении толпы зевак. Многие в толпе были мальчишками и девчонками, которые подпрыгивали и визжали от восторга. Филипп и юные Корты шли пешком. Филиппу не нравилось участвовать в подобной процессии, но его шурины подыгрывали толпе жестами и грубыми шутками.

Позже, выглянув из окна своей спальни, Аделина увидела на улице драку. Мальчишки-посыльные, разносчики, попрошайки – все кричали и дрались на кулаках и палках. Собаки лаяли и выли. Неожиданно появился полицейский отряд, и драка утихла. Толпа рассеялась в переулках и подворотнях. Субботний покой умиротворил улицу.

Филипп наблюдал за происходящим из-за плеча Аделины с насмешливой улыбкой.

– Забавные людишки этот твой народ, – заметил он, когда все закончилось.

– Они таковы, какими их создал Бог, – ответила она, защищаясь.

– А ты уверена, дорогая, что это был именно Бог?

– Ну, возможно, Ему немного помогли со стороны.

Он поцеловал ее:

– Господи, как я буду благодарен тебе, когда все это закончится и мы обустроимся в Квебеке.

– Я тоже. Ты никогда не угадаешь, что сказал мистер Уилмот, когда мы сошли на берег.

– И что же?

– Он сказал: «Вы знаете, я никак не ожидал, что снова ступлю на эти острова. Надеюсь, больше этого не случится». И вид у него был мрачный – как у героя романтического романа. Я старалась, как могла, чтобы возбудить привязанность между ним и миссис Камерон, но, кажется, это безнадежно.

– Вдова, страдающая от морской болезни, непривлекательна, – сказал Филипп. – И, судя по взглядам, которые он бросает, он скорее привязан к тебе. Ему стоит быть осторожнее.

– Этот старый трезвенник! – засмеялась Аделина. – Он совершенно не в моем вкусе. Но он мне нравится как знакомый, и я надеюсь, что он поселится в Квебеке возле нас.

– Думаю, мы должны сообщить твоим родителям, что мы здесь, – резко поменял тему Филипп. – На ремонт уйдет не меньше недели, и если они узнают об этом из других источников, то будут несколько шокированы.

– Нет, нет, – запротестовала Аделина. – Я не вынесу еще одного прощания! Это может быть не к добру.

– Мы можем попросить их не приезжать.

– Ничто не остановит мою мать. И отца тоже. Он может приехать и устроить скандал, например, начнет бранить капитана за то, что у того нет корабля попрочнее.

– Но они могут узнать об этом из газет, – возразил Филипп.

– Я готова рискнуть. На следующей неделе они едут с визитом к моему деду... У них не будет времени на газеты.

Итак, она добилась своего, и они приступили к странной интерлюдии в путешествии. Они исследовали улицы серого старого городка. Филипп и мистер Уилмот ходили на рыбалку. Аделина с братьями и Мэри Камерон блуждали по горным тропам Клэра⁷ или по берегу залива и приносили домой полные карманы ракушек для маленькой Августы. Каждый день они ходили на корабль, чтобы посмотреть на работу плотников. Каждый день со всех концов провинции съезжался народ, чтобы подивиться на корабль. Славно было наблюдать за тем, как они танцевали весенними вечерами на палубе. У них были стройные ноги и испанские лица. И никогда до того на этом судне не было столько веселья.

Наступил сезон туманов и морозящих дождей. На палубе больше не танцевали. Дни тянулись медленно. Капитан обещал уложиться с ремонтом в десять дней, но прежде чем судно было готово к отплытию, прошло две недели. Перед вторым отправлением в путь всех охватило странное и довольно мрачное беспокойство. Пассажиры теперь слишком хорошо были осведомлены о несчастьях, которые могли с ними случиться. Их вера в качество судна пошатнулась.

В воскресенье перед отплытием они отправились в церковь. Аделина, Филипп, мистер Уилмот и миссис Камерон пошли в готическую церковь аббатства, где прекрасные сводчатые арки и скульптурные надгробия были почти не видны под слоями побелки, а прихожане расселись. Ирландцы Д'Арс и Brent вернулись из католической часовни и рассказали, как не смогли попасть внутрь на мессу и им пришлось преклонять колени в церковном дворе, заполненном народом. Конвей, Шолто и Мэри бродили по побережью. Они умоляли отпустить их из церкви, а миссис Камерон ни в чем не отказывала дочери. К тому же она слышала, что в городе свирепствует лихорадка, и, конечно, считала, на берегу с мальчиками, присматривающими за ней, Мэри будет в большей безопасности.

Настал час отплытия, и по булыжной улице двинулось все скопление предметов, вынесенных с корабля, – багаж стучал и гремел по камням. Скотину тащили, тянули и подгоняли в трюмы – все, кроме козочки Мэгги, которая взбежала по трапу так же весело, как и сбегала. После нескольких недель, проведенных на суше, няня казалась менее изможденной, но, когда она скользнула на корабль, крепко прижимая к себе ребенка, ее лицо выражало дурное предчувствие. Гасси, в свою очередь, вцепилась в куклу, наряженную в шелковые кринолин и шляпку. Кукла была большая и слишком тяжелая для крошечных детских рук, и когда няня стояла с девочкой на корме, пристально вглядываясь в вспененную воду, а судно отходило от пирса, Гасси наклонилась и позволила кукле упасть за борт. Она лукаво посмотрела в лицо няне.

– Ушла, – заметила Гасси, и это было первое слово, которое она произнесла.

На мгновение розовое лицо усмехнулось им из пены, кринолин на секунду вздулся, и все исчезло. Няня разразилась бурей упреков на хинди. Она грозно прошипела их Гасси и даже потрясла ее, но Гасси знала, что няня – ее рабыня.

Вышло яркое солнце, позолотив последние мгновения отплытия. Паруса приняли в себя немного бриза, словно пробуя его на качество, потом наполнились и развернулись, белые и

⁷ Клэр – графство в Ирландии.

округлые, перед мачтами. Теперь на палубе не было жуткого крена, по ней лишь пробежала трепетная, счастливая дрожь, когда «Аланна» поднималась и опускалась на невысоких волнах.

Филипп и Аделина стояли, взявшись за руки, и смотрели на землю. Город, горы Клэр, движущиеся фигуры – все это было так четко, как нарисованная перед ними картина. Они увидели высокую темноволосую женщину, загонявшую свинью в море. Она привязала веревку к ее задней ноге, подоткнула юбки и зашла следом. Женщина принялась тереть свинью изо всех сил, а та визжала так, что, казалось, раскалываются небеса. Затем они увидели, как женщина выгнала свинью на берег, уже белую, как жемчужина, вся грязь осталась в воде, – просто порсячий ангел.

– Ой, какая прелестная свинка! – воскликнула Аделина, смеясь от восторга. – Жаль, что мои братья не увидели это. Почему они не поднялись на палубу? Знаешь, Филипп, маленькая Мэри чудесным образом поправилась. Видел ты, как она помогала матери обустроиваться и поить ее чаем. Смотри-ка! Почтовая карета и лошади. Боже милостивый, Филипп, это же мой отец с матерью и крошка Тимоти с ними! И все лошади в мыле.

Ее голос сорвался на крик:

– Филипп, останови корабль!

Мгновение он застыл в оцепенении. Он видел, как его тесть спрыгнул с козел, кинул кучеру поводья и помог жене сойти. Он видел, как тесть снял шляпу и помахал ею, жестами призывая корабль остановиться. Расстояние между ними неумолимо увеличивалось. Филипп пробежал по палубе несколько шагов и остановился.

– Капитан никогда этого не сделает, – сказал он.

– Он должен, – заявила Аделина и полетела в рулевую рубку, где стоял за штурвалом первый помощник. – Ах, мистер Григг! – вскричала она. – Вы должны повернуть назад! Там, на пирсе, мои отец и мать приехали, чтобы еще раз взглянуть на меня. Я не могу их так оставить!

– Это невозможно, – заявил он. – Я не могу повернуть назад даже ради королевы Англии. Это против всех правил.

– Я беру ответственность на себя!

– Но я не могу вам этого позволить!

– Отдайте мне штурвал!

– Я не могу вам этого позволить.

Аделина схватила штурвал и попыталась его повернуть. Она была сильной и действительно начала менять курс корабля.

Офицер в панике закричал:

– Что вы делаете? Дамочка, вы ведете нас на скалы! Отпустите штурвал!

Подождал Филипп и взял ее за запястья.

– Пойдем отсюда, – сказал он. – Я говорил с капитаном. Он не сможет повернуть. Пойдем и помашем твоим родителям, а то будет слишком поздно.

Она разразилась слезами и, вырвавшись, с плачем побежала от него по палубе. Слезы ослепили ее, и сперва она видела лишь размытые очертания своих родителей на пирсе. Когда фигуры стали яснее и четче, она с ужасом увидела, насколько они уменьшились.

Ее грозный отец казался куклой, махавшей кулаком вслед удалявшемуся кораблю. Или ей? Возможно, она никогда и не узнает, кому именно. Вдруг последнее, что она видела на земле, – как отец грозит ей и кораблю кулаком? Аделина прижала ладони к дрожащим губам и стала посылать быстрые воздушные поцелуи удалявшимся фигурам родителей и младшего брата.

Подле себя она увидела Джеймса Уилмота. На его мрачном лице возникло странное выражение.

– Милая девочка, не плачьте. Я этого не вынесу, – сказал он ей с какой-то новой интонацией. – Пожалуйста, не плачьте!

В этот момент с другой стороны к ней подошел Филипп. Пытаясь отвлечь ее от горьких мыслей, он спросил:

- Где Конвей и Шолто? Они должны прийти и помахать на прощание.
- Слишком поздно! Слишком поздно!
- Я приведу их.
- Как знаешь.

Тем временем парусник подхватил свежий ветер. Он, словно с радостью, накренился, и земля скрылась, а когда снова стала видна, то оказалась далеко, и ничего было не разглядеть.

Мистер Уилмот предложил Аделине руку.

– Позвольте проводить вас до каюты? – спросил он.

– Благодарю вас. – Она с признательностью приняла его помощь.

– Надеюсь, вы простите и забудете то, что я говорил вам минуту назад, – сказал он. –

Я одинок и очень ценю вашу дружбу. Я был тронут вашими слезами. Но... я не имел права говорить... то, что я сказал.

– Вы очень добры, – ответила она. – Вы – друг. В этом все дело.

И ее глаза ласково посмотрели на него из-под влажных ресниц.

V. Второе путешествие

Когда Аделина вошла в свою каюту и осознала, что в этой каморке ей предстоит еще одно путешествие, она на мгновение ощутила отчаяние. С чем еще придется столкнуться им с Филиппом? Отправляясь в неизвестность, они оставили позади все, что знали и любили. Сейчас ей это было понятнее, чем в первый раз. Ее вновь мучила мысль о матери, рыдавшей на пирсе. Даже отец на мгновение показался ей жалким.

Ей трудно было заставить себя начать распаковывать вещи. Сперва она посмотрит, как поживают няня с Гасси. Аделина пересекла коридор и заглянула к ним. Няня лежала пластом на койке. Ее запястье с несколькими серебряными браслетами лежало на лбу. Из-под этого укрытия на Аделину смотрели томные темные глаза.

Аделина, хорошо владевшая диалектом няни, спросила:

– Тебе уже нехорошо?

– Нет, мэм-сахиб, я немного отдохну. Возлюбленное дитя хорошо себя чувствует и вполне счастливо.

– Да, понимаю. И все же, думаю, вам будет лучше на палубе. Малышка может играть там с ракушками.

При этих словах Гасси взяла по одной ракушке в каждую руку, громко рассмеялась и приложила их к ушам. Ее лицо стало восторженным, она стала вслушиваться в шепот моря.

– Я сейчас же отведу ее на палубу, мэм-сахиб, – сказала няня, приподнимаясь на локте с выражением терпеливой покорности судьбе, и снова упала на подушку.

– Здешние запахи вредны для вас обеих, – твердо продолжила Аделина, окинув взглядом каюту. – Где кукла? – спросила она. – Не вижу.

По лбу няни застучали браслеты.

– Я убрала куклу в надежное место, мэм-сахиб.

– Куда?

– В коробку с пеленками, мэм-сахиб.

– Это правильно. Она еще слишком мала, чтобы оценить ее сейчас. Сохраним куклу на потом.

– Ушла, – произнесла Гасси.

– Она что-то сказала? – спросила Аделина.

– Нет, мэм-сахиб. Она пока не говорит ни слова.

Возвращаясь, Аделина встретила в коридоре миссис Камерон. Все еще одетая в доломан и капор, та повернула к Аделине свое лицо, отягощенное упреками и жалостью к себе.

– Полагаю, Мэри сейчас где-то с вашими братьями, – сказала она. – Прежде я никогда не видела, чтобы девушки так менялись. Она почти никогда раньше не покидала меня, но сейчас я в половине случаев не имею представления, где она.

Сочувствие Аделины, прежде направленное на мать, вдруг обратилось на дочь.

– Ну, в конце концов, Мэри очень молода, – сказала она. – Ей нужно немного развлечений.

– Развлечения! – с горечью повторила миссис Камерон. – Развлечения! Как она может развлекаться после всего, что мы пережили!

– Нельзя же ожидать от ребенка вечного траура, – довольно резко ответила Аделина: она устала, а миссис Камерон в своей черной шляпке и доломане была чересчур уныла. Неудивительно, что девушка предпочла компанию молодых людей.

– Ей почти шестнадцать. Скоро она станет женщиной. Похоже, она этого не осознает. Я все время ей это говорю, но она очень ветрена.

– Не так давно я видела, как она очень бережно несла вам чашку чая.

Миссис Камерон вспыхнула.

– Я надеюсь, вы не намекаете на то, что я не ценю собственного ребенка, миссис Уайток! Она – все, что у меня осталось на свете. Я думаю только о ней! Я скорее тысячу раз умру, чем допущу, чтобы с ее головы упал хоть один волос.

– Вам бы не помешало на время отвлечься от мыслей о ней, – ответила Аделина.

Миссис Камерон разрыдалась.

– О, я не имела в виду, что вы неидеальная мать! – воскликнула Аделина. – Я сейчас же пойду и найду для вас Мэри. Пожалуйста, идите и ложитесь, а я в мгновение ока пришлю ее к вам.

Миссис Камерон, спотыкаясь, вернулась в свою каюту. Аделина подошла к каюте Конвея и Шолто и прислушалась. Внутри царил тишина. Она вошла.

Посреди каюты стояли два чемодана. На нижней койке валялись разные мелочи. Но что это на подушке? Она нагнулась поближе, чтобы посмотреть, и почему-то ее сердце забилося быстрее.

К подушке был приколот конверт, адресованный ей и подписанный лучшим школьным почерком Шолто. Открывая его, она дрожала, хотя и не знала, что именно ей предстоит прочесть. Разорвав конверт, она прочитала:

Моя дражайшая сестра!

Конвей заставляет меня это писать, потому что считает себя человеком действия, а меня – человеком письма. Пишу в отеле, в ночь перед отплытием корабля. Мы взойдем на борт с багажом, а затем воспользуемся суетой, вернемся на пристань и скроемся в городе, пока вы не уйдете. Дорогая Аделина, прости нас за то, что не отправились с тобой в Квебек. Во время путешествия мы тысячу раз мечтали вернуться в Ирландию. Когда корабль повернул к дому, это казалось чудом, ведь мы так тосковали по дому.

Дальше должен был написать сам Конвей, но ты же знаешь, какой он лентяй. Мэри тоже решила не ехать в Канаду. Она решила остаться в Ирландии и выйти замуж за Кона. Мне бы очень не хотелось оказаться на его месте, когда они с Мэри, рука об руку, предстанут перед папой. Мэри пыталась писать, но она только плачет и ужасно портит бумагу. Так что, дорогая сестра, пожалуйста, сообщи миссис Кэмерон эту новость со всей возможной деликатностью и сочувствием. Мэри говорит, что это будет для нее настоящим ударом, но, поскольку счастье дочери всегда было для нее главным, она смирится с этим, как только все обдумает.

Когда вы прибудете в Квебек, пожалуйста, погрузите весь наш багаж (конечно, включая и багаж Мэри) на корабль, идущий на восток, и напишите точный адрес. Мы ничего не хотим терять, тем более что после всех расходов на нас с Коном отец долгие годы станет нам их припоминать.

Мэри напишет матери длинное письмо и отправит с ближайшим судном. Конвей тоже напишет.

Все трое, мы желаем вам доброго пути – без штормов и течей – и славной жизни в Квебеке.

Вечно любящий твой брат

Шолто.

Дочитав письмо, Аделина застыла как вкопанная. Ее охватила паника. Захотелось убежать в свою каюту, спрятаться под одеяло, натянуть его себе на голову и оставаться там, пока корабль не прибудет в Квебек. Вскоре ее охватило недоверие и облегчение. Это же шутка!

Ее братья большие шутники. Это не может быть правдой. Она найдет Пэтси О'Флина, и, возможно, он узнает, где спряталась эта троица.

Аделина быстро пересекла коридор и спустилась по крутому трапу в общую каюту. Там, в общей каюте, пассажиры третьего класса все еще устраивались для путешествия, развязывали узлы, пакеты с едой, пили из жестяных кружек, которые наполняли чаем два босоногих юнги. В одном углу прилично выглядящая шотландка собрала вокруг себя выводок детей и сунула каждому по большой булке. Она кормила их, прижимая к груди младенца.

– Вы не знаете, где находится мой слуга? – спросила ее Аделина. – Пэтси О'Флин, тот, что во всей своей одежде, с лохматыми бровями?

Женщина махнула булкой, которую держала в руке.

– Да вон там, рядом с курами. Хотите, приведу его к вам, мэм.

– Нет, благодарю. Я сама дойду.

Пэтси непринужденно развалился на своем громадном пальто, которое он расстелил на клетках с курами. Под аккомпанемент кукареканья и кудахтанья он жевал кусок хлеба с сыром. Козочка Мэгги каким-то образом сорвалась с привязи и стояла у него в ногах, пожевывая один из его болтавшихся шнурков. Эта парочка являла собой картину совершенной беспечности.

– О, Пэтси, дружище! – воскликнула Аделина. – Я получила письмо от господина Шолто, он пишет, что они вернулись в город и с ними – юная мисс Камерон. И мысли не допускаю, что это так, потому что это убьет ее бедную мать, а мои братья окажутся виноваты. Они что-нибудь тебе говорили о побеге домой?

– Да много раз говорили, мол, дьявол побери этот корабль, и они надеются больше никогда его не увидеть.

– Но ты должен был сказать мне об этом!

– Ай, я думал, что они просто болтают. Говорите, что и девица с ними убежала?

– Да.

Маленькие глазки Пэтси сверкнули:

– Правду сказать, я совсем не удивлен, потому что видел ее с ними на берегу в прошлое воскресенье и сказал себе, что она слишком вольно ведет себя с мистером Конвеем, проводя с ним много времени. Говорите, они совсем ушли с корабля?

Она лишь зря тратила время на разговор с Пэтси. Аделина торопливо поднялась по трапу и наверху столкнулась с Филиппом. И каждый увидел на лице другого беспокойство.

– Что ты узнал? – спросила она.

– Один матрос рассказал, что видел, как твои братья и Мэри Камерон незадолго до нашего отплытия порознь возвращались в город.

– Господи, почему он ничего нам не сказал?

– Он думал, мы знаем. Когда он увидел подъехавшую карету, то решил, что их встречают.

А как ты узнала?

– Получила письмо. – Она достала из кармана конверт и передала Филиппу в руки.

– Выпороть бы этих юнцов, – произнес он, прочитав письмо.

– Ах, если бы они не взяли с собой Мэри! Как мы сообщим эту новость ее матери?

– Ты поступила дурно, Аделина, поощряя их дружбу. Ну и кашу же ты заварила.

Она схватилась за перила, по ее щекам покатились две слезы.

– Я знаю... но уже слишком поздно, – произнесла она дрожащим голосом, а затем через мгновение выпалила: – Мы должны вернуться за ними! Я оплачу расходы из собственного кармана.

– Аделина, прислушайся к голосу разума! Если бы эти трое прохвостов ждали на берегу, когда их подберут, то мы смогли бы это сделать за круглую сумму из твоего кармана. Но они не хотят возвращаться на корабль. Без сомнения, сейчас они уже далеко.

– Что же мне делать? – простонала она.

– Тебе придется пойти и рассказать миссис Камерон, что натворила ее дочь. В конце концов, это ее вина. Если бы девушка была хорошо воспитана, ей такое и в голову не пришло бы.

– Филипп, дорогой, не мог бы ты сообщить новость матери?

Предложение его ошеломило.

– Я не могу, – сказал Филипп. – Нет, я не могу. Это придется сделать тебе.

– Хорошо, ты постоишь рядом, на случай, если... – заколебалась она.

– На случай чего? – холодно спросил он.

– Она же будет ужасно расстроена. Скорее всего, упадет в обморок.

– Я буду стоять на некотором удалении – в пределах досягаемости, но скрывшимся от глаз.

– Этого достаточно... Как ты думаешь, может, лучше написать ей письмо, как это сделал Шолто?

– Попадись только мне в руки эти мальчишки, я бы их! Да, напиши ей письмо, если тебе это больше нравится.

– Может быть, ты напишешь письмо? – предложила Аделина. – Думаю, письмо от тебя она воспримет лучше.

– Я не умею писать письма, – раздраженно заметил он. – Зато ваша семья превосходно с этим справляется.

Филипп взял Аделину за руку:

– Пойдем в салон, я дам тебе бокал шерри. Он придаст тебе сил.

В маленьком помещении, удостоенном столь громкого имени, Аделина потягивала шерри, печально размышляя о том, что же ей делать. В какой-то момент она восклицала: «О, молодые негодяи!» или «О, бедная мать!», а затем: «Лучше бы корабль утонул со всеми нами!»

Однако шерри пошел ей на пользу, и в конце концов она вскочила и воскликнула:

– Сейчас же сделаю это и покончу с ним!

Филипп сопровождал ее до двери каюты миссис Камерон. Она постучалась, дрожа всем телом.

– Да? – послышался голос из каюты.

– Миссис Камерон, мне нужно кое-что вам сказать.

– Входите.

Миссис Камерон разбирала вещи, вид у нее был по-прежнему обиженный. Аделина спокойно начала:

– Некоторое время назад вы предположили, что Мэри куда-то удалилась с моими братьями. Вы были правы, так и есть.

Мать Мэри оставилась на Аделину.

– Она удалилась с ними, – продолжила Аделина. – Прямо с корабля домой.

– Вы с ума сошли? – осведомилась миссис Камерон. – Что за чушь вы несете?

– Это правда. Они покинули корабль, Мэри и два моих младших брата. Но они возвращаются домой. Она будет в полной безопасности.

Миссис Камерон страшно побледнела. Она поднесла руку к горлу и спросила:

– Кто вам это сказал?

– Я получила от Шолто письмо. А моему мужу один матрос рассказал, что видел, как они направлялись в город.

– Покажите мне письмо, – хрипло прошептала миссис Камерон.

Аделина протянула ей конверт. Миссис Камерон впилась в него глазами так, как будто хотела оторвать написанные слова от бумаги. Потом, пошатываясь, прошла по каюте, но тут же овладела с собой. И в гневе оставилась на Аделину, уперев руки в бока.

– Это вы виноваты! – закричала она. – Это вы во всем виноваты! Вы их поощряли. Вы упростили меня позволить Мэри гулять с этим безнравственным мальчишкой! О-о! – Пораженная возможными последствиями ситуации, вскричала она. – О-о-о! Что он с ней сделал! Моя маленькая овечка! Она была чиста, как снег, пока мы не взошли на борт этого проклятого корабля! Неужели нельзя хоть что-нибудь сделать?! Где капитан?

Она протиснулась мимо Аделины, оттолкнула удерживавшую ее руку Филиппа и выскочила в коридор. Перегородки были столь тонкими, что вспышка ее гнева вызвала всеобщий ужас. Со всех сторон сбегались люди (некоторые подумали, что на корабль обрушились новые несчастья), а Аделина и Филипп следовали за миссис Камерон, с горечью понимая, что произошло на самом деле.

– Что такое? Что такое, мадам? – спросил капитан Брэдли, вышедший навстречу миссис Камерон.

Она бросилась к его плечу.

– Спасите ее! Спасите мою маленькую девочку! – истерически зарыдала она.

– Где она? – спросил он своим зычным голосом.

– Там! – Она показала в сторону суши. – Она покинула корабль вместе с этими ужасными ирландскими мальчишками! Призываю всех в свидетели, что она была чиста, как первый снег! О, что же мне делать?

– Что все это значит? – потребовал капитан Брэдли ответа у Филиппа.

– Девушка сбежала с моим юным шурином, парнем восемнадцати лет, – резко ответил тот. – Но если верить сказанному в письме, они направляются прямо в дом его отца.

– Если вы пожелаете вернуться за ними, дорогой капитан, – вставила Аделина, – я все оплачу.

К стыду капитана, он смотрел на Аделину с большей нежностью, чем на миссис Камерон, которую считал унылой женщиной удручающей внешности.

– Как вы думаете, юный джентльмен женится на ней? – тихо спросил он Филиппа.

– Уверен, что он намеревается это сделать, – ответил Филипп с большей уверенностью, чем ощущал.

– Ну же, ну же, возможно, все не так плохо, как вы думаете, – утешал миссис Камерон капитан. Он обернулся к Аделине и сказал: – Оглянитесь, миссис Уайток! Парусник летит, как птица. Вы должны понять, что мы не можем возвращаться ради сбежавшей парочки.

– Это она во всем виновата! – взвизгнула миссис Камерон. – Она такая же безнравственная, как и ее братья. Такие, как она, не нужны в нашей прекрасной юной стране. Они воплощение порока!

Миссис Камерон впала в истерику, капитан со стюардом с трудом проводили ее до каюты, которую она не покидала до конца путешествия. К счастью, в Голузе на корабль сели новые пассажиры, с которыми она подружилась. Это была супружеская пара с Ньюфаундленда. Муж занимался рыболовецким промыслом; его глубоко религиозная жена стала для миссис Камерон большим утешением.

Остальные пассажиры, особенно третьего класса, были склонны считать побег юношеским романом, бедную миссис Камерон – деспотичной родительницей. Конвей Корт был всеобщим любимцем, и, по общему мнению, некрасивая девушка сделала прекрасный выбор, поскольку всеми подразумевалось, что он на ней женится.

Ветер был попутный, и корабль несся вперед. В салоне капитан, Уайток и господи Д'Арси, Брент и Уилмот каждый вечер играли в карты, потягивая французский коньяк. Аделина сидела, подперев подбородок ладонью, и задумчиво переводила взгляд с одного лица на другое.

И вот однажды вечером произошло страшное. Только Джеймс Уилмот поднес Аделине рюмку ликера, поскольку та выглядела бледной и довольно вялой, как на трапе послышались шарканье и угрожающие голоса. Аделина приподнялась на стуле. Четверо мужчин повернули

головы к двери и увидели толпу грубых свирепых мужчин. В руках у них были дубинки, палки и прочее оружие, какое попало под руку. Один поднял волосатую руку и указал на Уилмота.

– Вот он! – воскликнул он.

С угрожающим ревом остальные направились к Уилмоту, невозмутимо продолжавшему смотреть на них.

– Не понимаю, в чем дело, – сказал он.

– Вы – Томас Д’Арси, эсквайр, так?

– Нет, меня зовут Уилмот.

Поднялся Д’Арси.

– Я Томас Д’Арси, – произнес он с легкой улыбкой.

– Да, это он, мерзавец! Проклятый злодей! Бессердечная тварь!

Они пошли на него, осыпая проклятиями, по большей части неразборчивыми из-за акцента ворвавшихся.

– Что все это значит? – воскликнул Филипп, перегородив своей рослой фигурой путь толпе.

– Прочь с дороги, ваша честь! – закричал в ответ предводитель. – Нам нужен этот мерзавец Д’Арси. Мы не оставим в нем и пары целых костей, и пусть адское пламя их разнесет, когда мы его прикончим!

– Я никому из вас не причинил вреда, – надменно произнес побледневший Д’Арси.

– Да неужто? А не вы ли выгнали старых родителей Тома Миллигана в зимнюю ночь в счет ренты за полуразрушенную лачугу, которая была их собственностью еще три месяца назад? И не его ли бедный старый отец умер от холода и сырости, а бедная старая мать – от разбитого сердца? А вот и сам Том, который врежет вам первый!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.